
Стражи миров
Книга вторая
По ту сторону молчания
Тара Дин

Тара Дин
По ту сторону молчания

https://litres.ru/74727329
SelfPub; 2026

Аннотация

На свадьбе Ади и Кемаля Самира застаёт свою сестру в библиотеке с Саидом. Сабина просит его развестись. С мужем Самира прожила пять лет, а сейчас даже не знает, что он ей ответит. Когда-то он и правда собирался жениться на Сабине.

«Тебе не о чем волноваться. Я согласна», — говорит Самира мужу, когда они наконец остаются вдвоём. Она устала прислушиваться, пройдёт ли он вечером мимо её двери. Теперь пусть хотя бы этот вечер будет её.

Саид столько лет считал этот брак ошибкой, что жена ему поверила. Теперь ему хочется простых вещей. Принести чай, позвать её погулять, узнать, о чём она думает, пока они идут вдвоём. Только сначала придётся спросить, хочет ли она вообще с ним идти.

Вторая книга цикла «Стражи миров». История Самиры и Саида.

Содержание

Пролог	4
Глава 1: праздник для других	9
Глава 2: по собственному желанию	30
Глава 3: не тот ответ	46
Глава 4: я согласна	62
Глава 5: чей муж?	76
Глава 6: взгляд в прошлое	89
Глава 7: до обещаний	98
Глава 8: трое под дождем	110
Глава 9: чужая свадьба	125
Глава 10: дни которые никто не обещал	144
Глава 11: дом в котором собираются	164
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Тара Дин
По ту сторону молчания

Пролог

Ветка зацепилась за платье и не отпускала.

Девочка дёрнулась, едва удержавшись на ногах. Ткань затрещала. Она вцепилась в неё обеими руками, потянула ещё раз и, оставив на сучке узкую полоску, бросилась дальше.

Оглядываться нельзя.

Она уже оглянулась однажды — и упала. Теперь колено саднило при каждом шаге, а по голени стекало что-то тёплое. В темноте было не разглядеть, насколько сильно она поранилась. Да и останавливаться было нельзя.

Сзади хрустнули ветки.

Девочка пригнула голову и побежала быстрее.

Воздуха не хватало. Она хватала его открытым ртом, но в груди всё равно оставалось тесно и больно. Волосы липли к мокрым щекам, попадали в глаза. Убрать их не получалось: стоило поднять руку, как ноги начинали заплетаться.

Впереди между стволами показалось светлое пятно.

Туда.

Она не знала, что там. Может быть, дорога. Может быть, место, где деревья растут реже и можно бежать, не спотыка-

ясь о корни. Нужно было только добраться.

Под ногой хлюпнула вода. Девочка поскользнулась, ударилась плечом о ствол, оттолкнулась от него и снова побежала. Из горла вырвался короткий всхлип. Она тут же прикусила губу.

Тише. Нельзя, чтобы услышали.

Позади раздался голос.

Она не разобрала слов. Услышала только, насколько он близко.

Светлое пятно оказалось просветом между деревьями. За ним лес продолжался: тонкие стволы, низкие кусты, пологий склон, уходящий вниз. Девочка устремилась туда, вытянув руки перед собой, чтобы раздвинуть ветки.

Удар пришёлся в ладони и грудь.

Её отбросило назад.

На мгновение земля исчезла из-под ног, потом больно ударила в спину. Голова дёрнулась. Девочка открыла рот, пытаясь вдохнуть, но воздух не шёл.

Несколько секунд она лежала неподвижно. Над ней качались чёрные ветви. Где-то совсем рядом шуршали листья.

Нужно было встать.

Она перевернулась на бок, подтянула колени. Локоть подогнулся, и лицо ткнулось в сырую землю. На губах остался горький вкус. Девочка сплюнула, кое-как поднялась и резко обернулась.

Между деревьями ещё никого не было.

Но она слышала их.

Уже не только ветки. Шаги.

Девочка попятилась, выставив руку назад, и пальцы упёрлись во что-то твёрдое.

Она замерла.

Перед ней был лес. Обычный лес — такой же тёмный и мокрый, как за спиной. В нескольких шагах лежало поваленное дерево. На его коре белел обломанный сук. Она видела каждую трещинку на нём.

А дотронуться не могла.

Девочка осторожно провела ладонью перед собой. Пальцы скользнули по гладкой поверхности, которой не было видно.

Она отдёрнула руку.

В груди зачастило так сильно, что стало больно.

Снова оглянулась. Потом бросилась в сторону, пробежала несколько шагов и попыталась свернуть между двумя тонкими стволами.

Плечо ударилось о ту же преграду.

— Нет…

Она пошла вдоль неё, сначала быстро, потом почти побежала, не отрывая вытянутой руки. Под ладонью ничего не менялось. Ни щели, ни края.

Сзади хрустнула сухая ветка.

Совсем близко.

Девочка остановилась.

Она смотрела в темноту, откуда только что выбежала, и

никак не могла заставить себя отвернуться. Ей казалось, стоит моргнуть — и они окажутся рядом.

Слёзы залили глаза.

Она вытерла их рукавом, размазав по щеке землю, повернулась к невидимой стене и упёрлась в неё ладонями.

Надавила.

Поверхность не подалась.

Девочка переставила ноги, наклонилась всем телом, толкнула сильнее. Больное колено задрожало. Она попыталась удержать его прямым, но не смогла и опустилась на землю.

Отсюда тоже был виден лес.

Низко над травой висела тонкая веточка. Ещё немного — и можно было бы ухватиться за неё, подтянуться, пролезть под кустом.

Девочка протянула руку.

Пальцы снова остановились в пустоте.

— Пожалуйста…

Она сама не знала, кого просит.

Ударила ладонью. Ещё раз. Потом обеими сразу, всхлипывая, уже не стараясь делать это тихо.

Никто не отвечал.

Она прижалась лбом к преграде. По щекам бежали слёзы, капали на платье. Хотелось свернуться на земле, закрыть голову руками и больше ничего не слышать.

Но тогда её заберут.

Девочка поднялась.

Не с первого раза. Пришлось опереться на невидимую поверхность и подтянуть под себя ногу. Колено почти не сгибалось. Она закусила губу, поставила ступню поудобнее и снова надавила обеими руками.

Ладони заболели.

Сначала несильно — неприятно защипало кожу под пальцами. Она только сильнее упёрлась ногами в землю.

За спиной послышалось движение.

Девочка не обернулась.

Боль поднялась к запястьям. Пальцы свело, и она испуганно дёрнула рукой, но тут же прижала её обратно. Нельзя отпускать. Если отпустит, всё придётся начинать сначала, а времени уже не было.

Она толкала, зажмурившись, стиснув зубы так крепко, что заныла челюсть.

Преграда дрогнула.

Совсем немного.

Девочка почувствовала это всем телом и подалась вперёд, вкладывая в движение последние силы.

Что-то обожгло ладони.

Она громко вскрикнула.

Между её пальцами вспыхнул свет.

Три переплетённые линии проступили в пустоте — ослепительно яркие, раскалённые, — и свет хлынул сквозь её ладони, затопив лес.

Глава 1: праздник для других

Самира нашла ножницы в собственном кармане, когда Бэлла уже собралась идти за другими.

Несколько секунд они молча смотрели на них.

— Я ведь спрашивала, — сказала Бэлла.

— Ты спрашивала, не видела ли я их.

— И ты ответила…

— Что не видела. Это была правда.

Бэлла рассмеялась и забрала ножницы. Самира тоже улыбнулась, впервые за утро позволив себе остановиться.

В саду уже расставили столы. Между яблонями тянулись светлые ленты, на ветках покачивались гирлянды. Одну из них ещё проверяли: Зак стоял на лестнице и доказывал Зейну, что отлично понимает, какая именно лампочка не работает. Зейн держал лестницу и время от времени молча подавал ему новую.

У крыльца Адам о чём-то говорил с Кемалем. Тот кивнул, не отрывая глаз от окна второго этажа, и машинально пригладил уже безупречный манжет. Адам проследил за его взглядом, усмехнулся и похлопал по плечу. Кемаль наконец посмотрел на него — и тоже улыбнулся.

Рауф пронёс к столам ещё два стула. Скар принял у него один и поставил поближе к проходу. Оба оглянулись, когда Зак с лестницы посоветовал проверить ножки: некоторые,

по его словам, держались исключительно на честном слове. Зейн молча протянул брату следующую лампочку, возвращая к делу.

Из распахнутого окна второго этажа донёсся голос Амиры:

— Бэлла! Она опять хочет спуститься!

— Не пускай!

— Я вас слышу! — отозвалась Ади.

Самира подняла голову и невольно улыбнулась шире.

Всего несколько месяцев назад она научилась прислушиваться к каждому звуку в особняке. Чьи-то торопливые шаги ночью, внезапно оборвавшийся разговор, зов из соседней комнаты — всё заставляло бросать дело и идти смотреть, что случилось. Теперь девушки спорили из-за причёски, Зак ругался на лампочки, а Адам уже в третий раз проверял, не забыли ли поставить стул.

Ей нравилась эта суета.

— Ты ела? — спросила Бэлла, возвращая ножницы.

— Пробовала крем.

— Это не считается.

— Тогда нет.

— Там на кухне осталось…

Бэллу позвали прежде, чем она успела закончить. Она обернулась, подняла руку, показывая, что слышит, и побежала к дому.

Самира убрала ножницы обратно в карман. В этот раз —

намеренно.

Нужно было проверить напитки.

Самира достала телефон, сверилась со списком и снова убрала его в карман. Ади помогла выбрать его за неделю до свадьбы. За последнее время они с девушками несколько раз приезжали в мир людей за покупками — всегда с кем-нибудь из Стражей. Самира помогала выбирать посуду, ткани, украшения для сада; после возвращались вместе.

Нужные номера Ади сохранила сама. Самира всё ещё путалась в значках, и девушка терпеливо показывала, куда нажать. В Эльнарсе для связи служил привычный кристалл; телефон пока оставался вещью для этих коротких поездок.

Она взяла с края стола сложенную скатерть и направилась к кухне. Под ногами поскрипывал гравий. Дом ещё пах свежим деревом и краской; на одной из оконных рам осталась светлая полоска там, где недавно меняли повреждённую часть.

Здесь всё постепенно возвращали на место.

Самира иногда ловила себя на том, что смотрит на дом слишком внимательно. Ей хотелось представить, каким он был раньше, до ночи, после которой Ади и её семья оказались в Эльнарсе. Но каждый раз она останавливалась на простых вещах: сколько людей собиралось за кухонным столом, кто занимал ванную по утрам, кто забывал закрыть за собой окно.

Наверное, шумели они точно так же.

Дверь распахнулась ей навстречу.

Самира остановилась, прижав скатерть к груди. Чужая ладонь легла на дерево, удерживая край возле её плеча.

— Осторожно.

Она узнала голос прежде, чем подняла глаза.

Саид стоял в дверях, чуть склонившись к ней. Рукав тёмной рубашки был закатан; возле запястья виднелся светлый след недавней раны. Самира задержала на нём взгляд и сразу вспомнила перебинтованную ладонь, чашку, которую он не мог удобно взять, собственную руку, слишком поспешно протянувшую ему другую.

Тогда вокруг было столько людей, что она почти не волновалась.

Сейчас за спиной смеялся Зак, из кухни звали кого-то помочь с подносом — и всё равно казалось, что они стоят совершенно одни.

— Ты куда? — спросил Саид.

— В кухню.

Он посмотрел на скатерть у неё в руках.

— Отнести?

— Я сама.

Ответ вырвался быстрее, чем она успела подумать.

Саид уже поднял руку, но теперь остановился. Посмотрел ей в лицо, затем отступил, освобождая проход.

— Хорошо.

Самира прошла мимо. Скатерть задела его пальцы.

Ей следовало сказать спасибо за дверь. Или согласиться на помощь — в этом не было ничего необычного. Он предложил отнести вещь, она могла её отдать.

Но рядом с ним самые простые решения почему-то требовали времени, которого никогда не хватало.

Только у стола она заметила, что свернула не туда. Скатерть предназначалась для маленького столика у входа в сад, а сюда она шла за напитками.

Самира положила её на спинку стула и ненадолго закрыла глаза.

Вчера он сказал, что поменялся дежурствами.

Она помнила, как поправляла его воротник. Как он замер под её рукой и не отстранился. Потом согласился остаться, если понадобится помощь.

Она, конечно, тут же заговорила о столах.

Так было легче.

— Самира?

Она обернулась.

У двери стоял Али с двумя пустыми кувшинами.

— Эти куда?

— Один поставь сюда, на стол. Во второй налей вишнёвый сок — вон та бутылка. Отнеси в сад, у дальнего стола уже закончился.

— А лёд?

— В холодильнике за твоей спиной, в нижнем морозильном ящике. Возьми один пакет, остальное пока оставь.

Али кивнул и принялся наполнять кувшин. Самира поправила край скатерти, хотя складок на ней не было, и вернулась к делам.

* * *

К началу церемонии она успела устать так, что перестала замечать туфли.

У калитки Рир пропустил вперёд приехавших из Эльнарса гостей. Дис шёл рядом, забрав у пожилого мужчины коробку с подарком; Рашид встретил их и показал свободные места. Ан и Аэль уже устроились у края ряда. Ангел поймал взгляд Самиры и указал на стул возле Фатимы. Она подняла палец: ещё минуту. Аэль вздохнул с таким видом, что Самира невольно улыбнулась.

Фатима нашла её возле стола с цветами.

— Если ты сейчас ещё раз переставишь эту вазу, я начну подозревать, что она тебе чем-то не угодила.

Самира опустила руки.

— Она стояла у края.

— Теперь стоит посередине. Садись.

Фатима придержала соседний стул. Пришлось подчиниться.

Некоторое время они сидели рядом. Пожилая женщина оглядывала сад с тем внимательным выражением, которое Самира хорошо знала: замечала всё, но вмешивалась лишь тогда, когда считала нужным. В ногах у неё стояла плетёная сумка. Из неё выглядывал уголок платка.

— Красиво получилось, — сказала Фатима.

Самира посмотрела на ленты, цветы, светлую ткань на столах.

— Да.

— Ты говоришь так, словно не имеешь к этому никакого отношения.

— Все помогали.

— Я заметила.

Фатима перевела взгляд на лестницу, с которой наконец слез Зак. Тот поднял обе руки, и гирлянда за его спиной вспыхнула целиком.

Зейн посмотрел на неё, потом на брата и первым начал складывать лестницу.

Самира засмеялась.

— Вот, — негромко произнесла Фатима. — Совсем другое дело.

Мансур остановился возле Кемаля. Коротко обнял его, сказал что-то негромко; Самира не расслышала, но увидела, как жених выдохнул и кивнул. Затем король подошёл к первому ряду. Фатима подняла руку, поправила ему воротник и указала на место рядом с собой. Мансур без возражений сел.

Скар и Рауф тоже успели занять места. За их спинами Рир осторожно прикрыл калитку, придерживая щеколду, чтобы не щёлкнула.

Она не успела ничего сказать Фатиме.

В доме стало тише. Разговоры в саду тоже постепенно

стихли; люди поворачивались к крыльцу.

Ади стояла на верхней ступеньке.

Платье было мягкого молочного оттенка. По тонкому кружеву рукавов поднимались вышитые веточки; у запястий они сходились в маленькие светлые цветы. Лёгкая юбка свободно спадала от талии, шевелясь от каждого движения Ади. Та придерживала подол пальцами, и на мгновение из-под него показались белые туфли.

Самира видела это платье и вчера, и сегодня утром, когда помогала расправить рукав. Сейчас от него трудно было отвести взгляд. Солнце проходило сквозь кружево, ложилось на руки Ади; несколько выбившихся у виска прядей шевелил ветер. Она улыбалась и всё же держалась за перила, явно решая, куда поставить ногу.

За её спиной замерла Амира. Бэлла стояла чуть в стороне, сжимая в пальцах платок.

Кемаль уже шёл к крыльцу.

Он не торопил Ади. Поднялся на одну ступень, что-то спросил, дождался её ответа и только после протянул руку.

От этого простого движения у Самиры защемило под рёбрами.

Ади вложила пальцы в его ладонь.

Ей не пришлось гадать, останется ли рука протянутой, если она не успеет взяться сразу.

Самира опустила взгляд, поправляя сумку на коленях.

Рядом кто-то тихонько втянул воздух. Зак, занявший сво-

бодный стул с другой стороны, отвернулся и полез в карман. Долго искал то, чего там не было.

Фатима молча протянула ему платок.

— Я не… — начал он и осёкся под её взглядом. — Спасибо.

Самира улыбнулась, не поднимая головы.

Она радовалась за них. За Ади, которая сегодня могла волноваться из-за лестницы и платья. За Кемаля, который не выпускал её руки даже тогда, когда им пришлось повернуться к гостям. За всю эту большую шумную семью, собравшуюся вместе.

Когда Ади начала говорить, голос у неё дрогнул. Она остановилась, коротко рассмеялась и вытерла щёку.

Кемаль ждал.

Самира смотрела на него и думала, что, наверное, именно это труднее всего объяснить словами. Уверенность в том, что тебе позволят договорить. Не отвернутся, если ты заплачешь. Не заставят пожалеть о том, что показала слишком много.

Она нашла взглядом Саида.

Он стоял у края первого ряда. Свет падал на волосы, делая их почти золотистыми. Лицо оставалось серьёзным, но, когда Ади засмеялась, уголок его рта тоже дрогнул.

Самира невольно улыбнулась ему.

Саид повернул голову.

Она не успела понять, заметил ли он, — поспешно по-

смотрела вперёд.

Пальцы на коленях сжались так крепко, что ноготь больно упёрся в кожу.

* * *

После церемонии сад снова наполнился голосами.

Ади обнимали, поздравляли, звали фотографироваться. Кемаль то оказывался рядом с ней, то исчезал среди гостей, но каждый раз возвращался прежде, чем она начинала его искать.

На кухне кто-то перепутал подносы. Дамир уверял Адама, что после сегодняшнего тот обязан хотя бы неделю кормить его бесплатно.

— На каком основании? — спросил Адам.

— Я приехал, помогал, никого не задержал.

— Пока.

— Ты плохо влияешь на атмосферу праздника.

Самира прошла мимо, улыбаясь, и только потом вспомнила, что ей самой велели сесть и поесть.

Она взяла со стола тарелку.

— Наконец-то.

Али остановился рядом и протянул ей сложенный пополам листок.

— Просили передать.

— Кто?

— Девушка из гостей. Сказала, ты поймёшь.

Самира поставила тарелку обратно.

Бумага оказалась чуть влажной с одного края — Али держал её вместе с прохладным кувшином. Она развернула листок, собираясь прочитать обычную просьбу.

«Я здесь. Нам нужно поговорить. Буду ждать в комнате справа от лестницы.

Сабина».

Имя она перечитала дважды.

На мгновение сад отступил куда-то далеко. Остался только знакомый наклон букв, длинный хвостик последней, слишком сильный нажим на бумагу.

Сабина.

Самира подняла голову и огляделась.

За столами сидели люди. У калитки разговаривали Рашид и несколько приехавших позже гостей. Ади показывала Фатиме кольцо; Кемаль держал её бокал, пока она поправляла рукав.

Сестры нигде не было видно.

— Передать ответ? — спросил Али.

— Нет.

Самира сложила листок по прежнему сгибу.

— Спасибо.

Она постояла ещё немного, не двигаясь. За последние годы ей не раз казалось, что при встрече с Сабиной она сразу найдёт нужные слова. Спросит о том дне. О письме. О том, как можно было смотреть ей в глаза и говорить то, что тогда услышали все.

Теперь слов не было.

Только неприятное ощущение под ложечкой, знакомое с детства.

Она посмотрела на записку ещё раз.

Можно было не идти. Сказать Али, что занята. Дождаться, пока Сабина сама выйдет в сад.

Но та уже была здесь.

И сколько бы Самира ни оттягивала встречу, это ничего не меняло.

Она убрала листок в сумку и направилась к дому.

Внутри было прохладно. После яркого света сада глаза не сразу привыкли к полумраку. На перилах лестницы висела забытая лента; Самира машинально поправила её, чтобы никто не зацепился, и только потом заметила, что делает.

Дверь справа была приоткрыта.

Она подошла ближе.

— Саид, подожди.

Самира остановилась.

На секунду ей показалось, что она ослышалась. Потом из комнаты донёсся знакомый голос:

— Что ещё?

Пальцы замерли на ремне сумки.

Саид был с ней.

Не в саду, не среди гостей. Здесь, в комнате, куда Сабина позвала Самиру.

Она отступила бы, если бы успела решить, куда идти.

— Посмотри на меня, — попросила сестра.

— Я смотрю.

Самира невольно представила его лицо. Чуть сведённые брови, неподвижный взгляд. Она слишком хорошо знала, каким он становился, когда разговор начинал его раздражать.

— Ты совсем ничего не хочешь мне сказать?

— А чего ты ждёшь?

Сабина помолчала.

За стеной звякнула посуда. В саду кто-то громко позвал Зака, и несколько человек рассмеялись.

— Я скучала по тебе.

Самира опустила глаза.

На дверном косяке была маленькая царапина, ещё не закрытая краской. Она почему-то сразу её заметила.

— Всё это время, — добавила Сабина.

— Прошло пять лет.

— Я знаю.

Самира перестала слышать сад.

Пять лет.

Сказанные вслух, они вдруг оказались такими короткими. Несколько звуков — и всё, что она старательно училась выдерживать день за днём, уместилось между двумя репликами.

В комнате скрипнула половица.

— Я ошиблась, Саид. Очень сильно. Но ведь можно всё исправить.

Он ответил не сразу.

Самира сжала ремень сумки, чтобы не дрожали руки.

— Я женат.

Из груди вырвался воздух, который она, оказывается, всё это время удерживала.

— На Самире, — сказала Сабина.

В её голосе не было удивления.

— Ты женат на Самире.

Самира подняла голову.

Она могла войти сейчас. Открыть дверь, поздороваться с сестрой и спросить, зачем понадобилось присылать записку.

Но ноги не двигались.

— Не делай вид, что не понимаешь, — негромко произнесла Сабина. — Я знаю, как вы живёте. Ты сам не хотел этого брака.

Самира почувствовала, как горит лицо.

Сестра говорила о том, чего не должна была знать. О закрытых дверях, коротких разговорах, привычке Самиры прислушиваться к шагам в коридоре, прежде чем выйти из комнаты.

Или просто угадывала.

От этого было не легче.

— Сабина…

— Мы можем начать сначала.

Голос сестры стал тише, мягче.

— Разведись с ней.

Самира медленно разжала пальцы. Ремень соскользнул по ладони.

Она ждала ответа.

Ещё мгновение.

Ещё одно.

Потом дверь чуть подалась под её рукой, и щель стала шире.

Саид стоял к ней вполоборота, опустив голову. Сабина прижималась к его спине, обхватив руками за талию.

Самира увидела её пальцы на тёмной ткани.

Этого оказалось достаточно.

Она отступила.

Не услышала, сказал ли он что-нибудь после. Не посмотрела, повернул ли голову на скрип двери.

Нужно было уйти, пока никто её не заметил.

Она дошла до лестницы, свернула не туда, вернулась. Из сада по-прежнему доносились голоса. Сейчас нельзя было выходить к людям. Ади увидит её лицо. Бэлла начнёт спрашивать. Кто-нибудь обязательно позовёт Саида.

У двери маленькой ванной Самира наконец остановилась.

Вошла, прикрыла за собой и взялась за край раковины.

Ничего особенного не произошло.

Она пыталась сказать это себе, глядя на белую поверхность под ладонями.

Ничего, чего она не знала раньше.

Саид никогда не обещал ей любви.

Самира открыла рот, чтобы вдохнуть, и не смогла.

Первый всхлип вырвался резко, болезненно. Она тут же зажала рот ладонью, но следующий уже подступал к горлу.

Всё равно было больно.

Сколько бы она ни привыкала. Как бы старательно ни устраивала жизнь вокруг того, чего ей не дали. Оказалось, достаточно увидеть чужие руки на его рубашке, чтобы снова почувствовать себя девятнадцатилетней девушкой, которой никто не захотел поверить.

Она опустилась на закрытую крышку унитаза.

Сумка соскользнула на пол.

Самира сидела, согнувшись, и старалась дышать тише. Из сада долетали обрывки музыки. Там был праздник. Ади сегодня назвала Кемаля мужем. Все столько готовились, радовались, волновались.

Нельзя было испортить им этот день.

Она вытерла щёку, посмотрела на мокрые пальцы и вдруг вспомнила свою тарелку, так и оставшуюся на столе.

Нелепая мысль.

От неё почему-то стало ещё хуже.

Саид предложил помочь ей со скатертью.

Вчера позволил поправить воротник.

Она успела сохранить оба воспоминания. Осторожно, почти стыдясь, прибавила их к другим таким же маленьким вещам. Он замечал, когда она уставала. Иногда спрашивал, не нужно ли что-нибудь привезти. В опасности отзывался на её

голос так быстро, что она не успевала договорить.

Самира никогда не спрашивала, что всё это значит.

Боялась услышать, что ничего.

В дверь постучали.

Она вздрогнула и выпрямилась.

— Занято.

Голос сорвался.

По ту сторону помолчали.

— Я слышу.

Алекс.

Самира закрыла глаза.

Из всех людей, которые могли сейчас оказаться в коридоре, она меньше всего была готова к ней. С Бэллой можно было сказать, что разболелась голова. Амиру попросить принести воды. Даже Фатиме, наверное, удалось бы объяснить, что она просто устала.

С Алекс Самира до сих пор не знала, как говорить.

Она помнила её раненой. Помнила, как Ади ждала у двери, как братья замолкали при каждом движении в комнате. После всего, что случилось, Самире хотелось быть с ней мягче, чем позволяла сама Алекс. Но любое сочувствие натыкалось на спокойный взгляд, от которого становилось неловко за приготовленные слова.

— Мне нужна минута, — произнесла Самира.

— Хорошо.

Шаги не удалились.

Она поднялась, включила воду. Долго ополаскивала руки, хотя они были чистыми. Потом умыла лицо. Тушь немного размазалась; пришлось намочить край салфетки и осторожно провести под глазами.

В зеркале отражалась женщина в красивом платье, с аккуратно собранными волосами и покрасневшим носом.

Самира попробовала улыбнуться.

Не получилось.

Она выключила воду и открыла дверь.

Алекс стояла у противоположной стены.

Посмотрела ей в лицо. Ничего не спросила.

— Ади ищет меня? — первой заговорила Самира.

— Нет.

Она кивнула.

Нужно было вернуться в сад. Взять тарелку. Сесть где-нибудь подальше и дождаться, пока можно будет уехать, не привлекая внимания.

А потом что?

Вернуться в особняк. Пройти мимо комнаты Саида. Услышать, как за стеной открывается окно, как он ставит что-нибудь на стол.

Ждать, когда постучит.

И бояться этого стука.

— Я уезжаю, — сказала Алекс.

Самира подняла голову.

Та смотрела на неё всё так же спокойно.

— Если хочешь, могу забрать тебя.

Она не сразу поняла.

— Сейчас?

— Сейчас.

Самира оглянулась на дверь, за которой слышались голоса.

— А здесь…

— Здесь справятся.

Алекс не подошла ближе. Не стала брать её за руку, убеждать, что всё наладится, или говорить, что не стоит плакать. Просто ждала ответа.

Самире неожиданно захотелось, чтобы никто больше не видел её сегодня. Ни сестра. Ни муж. Ни люди, которым придётся улыбнуться, объясняя, почему у неё красные глаза.

Хотя бы несколько часов не стараться выглядеть так, будто ничего не случилось.

— Поехали, — сказала она.

Алекс кивнула.

Вынула телефон, коротко что-то написала и убрала обратно.

— Возьми сумку.

Самира вернулась в ванную. Подняла её с пола, проверила, не выпала ли записка. Та лежала в боковом кармане.

Она задвинула молнию.

* * *

Они вышли через боковую дверь.

Дорожка огибала дом и уходила за высокую изгородь. Самира шла следом за Алекс, стараясь не наступать на край платья. Возле ступенек остановилась.

Нужно было кого-нибудь предупредить.

Мысль возникла так привычно, что она уже потянулась к сумке.

Алекс обернулась.

Ничего не сказала.

Самира опустила руку и пошла за ней.

Машина стояла за поворотом ограды. Ан, увидев их, выпрямился и отступил от дверцы. Аэль подошёл с другой стороны.

Он посмотрел на Самиру чуть внимательнее, чем ей хотелось, но тоже промолчал.

— Уезжаем, — сказала Алекс.

Ан коротко кивнул.

Самира слышала музыку. Отсюда она казалась тише, чем из ванной. Совсем рядом продолжался день, частью которого она ещё несколько минут назад старалась оставаться.

Алекс достала ключи. Фары коротко мигнули.

Пока Ан и Аэль садились сзади, Самира всё-таки вынула телефон.

Саиду можно было написать всего несколько слов.

Она посмотрела на экран.

Представила, как он прочитает сообщение. Поднимет голову, оглянется. Может быть, выйдет из комнаты один. Мо-

жет быть, не сразу.

Самира убрала телефон, так и не открыв переписку.

Никому не написала.

Алекс открыла перед ней дверцу и пошла к водительской стороне.

Из сада донёсся смех Зака.

Самира на мгновение повернулась к дому. За изгородью были видны только крыша и распахнутое окно второго этажа. Лента на перилах чуть шевелилась от ветра.

Никто не видел, как они уходили.

Она села рядом с Алекс, поставила сумку на колени и сама закрыла за собой дверь.

Глава 2: по собственному желанию

На первом светофоре Самира заметила, что всё ещё держится за ремень сумки.

Она разжала пальцы. На ладони осталась красная полоса.

За окном остановилась машина, в которой смеялись двое молодых людей. Девушка что-то показывала водителю на телефоне, тот отмахивался, не переставая улыбаться. Самира смотрела на них до тех пор, пока светофор не переключился.

Алекс плавно тронулась с места.

В машине было тихо. Ан и Аэль сидели сзади; один из них негромко застегнул ремень, потом перестал двигаться. Никто не спрашивал, почему они уехали раньше остальных.

Самира была благодарна за это.

Она не смогла бы ответить.

Даже про себя не получалось произнести, что именно случилось. Стоило начать, и перед глазами снова появлялись тёмная рубашка Саида и чужие пальцы на ткани.

Она отвернулась к окну.

Знакомый дом давно остался позади. Теперь вдоль дороги тянулись магазины, небольшие дворы, остановки. Возле пекарни женщина придерживала коляску ногой, пока складывала покупки. Из открытой двери парикмахерской вышел мужчина, провёл рукой по затылку и посмотрел на своё отражение в стекле.

Обычный вечер.

Самира попыталась сосредоточиться на этих людях. Представить, куда они идут, кто ждёт их дома, успеют ли они к ужину.

Но мысль о доме возвращала её к Саиду.

Тогда она начинала считать окна.

Алекс свернула на более узкую улицу. Солнце ненадолго ударило в лобовое стекло и скользнуло по её лицу. Она опустила козырёк, не меняя скорости.

Самира посмотрела на девушку и снова отвернулась.

Ещё утром она не могла бы представить, что окажется с ней в одной машине, не зная ни того, что сказать, ни того, что будет дальше. Теперь именно отсутствие вопросов позволяло ей продолжать сидеть прямо, не закрывать лицо руками и хотя бы изредка делать нормальный вдох.

* * *

Алекс припарковалась у боковой стены.

За стеклом кафе темнели столики. У одного окна ещё оставалась узкая полоска малярной ленты; возле двери стояли аккуратно сложенные доски. Большую часть уже привели в порядок, но кое-где ремонт всё ещё продолжался.

Ан вышел первым.

Самира расстегнула ремень и только тогда почувствовала, как затекла спина. Пришлось ненадолго опереться ладонью о сиденье, прежде чем подняться.

В туфле больно потянуло натёртую пятку.

Аэль придержал дверцу, пока она выходила.

— Спасибо, — сказала Самира.

Он кивнул и отступил.

Внутри пахло деревом, кофе и краской. Возле стойки лежала стопка новых меню, прижатая тяжёлой кружкой. Несколько стульев ещё стояли ножками вверх на столах. В дальнем углу плотной тканью накрыли что-то большое; из-под края виднелся провод.

Самира машинально огляделась, замечая то, что следовало убрать, переставить, протереть перед открытием.

Потом поймала себя на этом и остановилась.

Здесь от неё ничего не ждали.

Алекс положила ключи на стойку и включила свет у лестницы.

Ан запер входную дверь. Аэль снял пиджак и повесил его на спинку стула.

— Мы внизу, — сказал он.

Алекс коротко кивнула.

Самира не сразу поняла, что это относится и к ней: мужчины останутся здесь, в кафе. Никто не собирается подниматься следом, усаживаться напротив, выяснять, что произошло на свадьбе.

Она поправила сумку на плече и пошла к лестнице.

На середине остановилась, услышав голос Ана:

— Только не садись на этот.

— Почему?

— Я его утром склеил.

Стул тихо скрипнул.

— Ты мог сказать раньше.

— Я сказал вовремя.

Самира невольно выдохнула — почти со смехом.

Наверху Алекс уже открывала дверь.

* * *

В квартире было прохладно.

Самира остановилась у порога, пока Алекс включала свет. Потом сняла туфли и поставила их рядом с обувью у стены. Одна натёртая пятка прилипла к заднику; пришлось осторожно высвободить её пальцами.

Из глубины квартиры виднелся кухонный стол. На нём лежали бумаги, закрытый ноутбук и связка ключей. Возле окна стояли горшки с зеленью, над раковиной сохло полотенце.

Всё было простым, обжитым. У шкафа чуть отставала планка, на стене возле выключателя осталась светлая царапина. Почему-то именно эти мелочи помогли Самире переступить порог окончательно.

Алекс прошла по коридору и открыла одну из дверей.

— Заходи.

Самира подошла.

Первое, что она увидела, были книги.

Они стояли на полках вдоль стены, лежали на столе у окна, занимали нижнюю часть узкого стеллажа рядом с кроватью. Новые, с ещё жёсткими корешками, соседствовали с потёр-

тыми изданиями, у которых давно выцвела ткань переплёта.

Самира невольно провела взглядом по названиям, ища знакомые названия.

Алекс открыла шкаф.

Достала футболку и мягкие брюки, положила на край кровати. Сверху — сложенное полотенце.

— Ванная напротив. Чистое бельё в нижнем ящике.

Самира посмотрела на вещи, потом на стол. Возле компьютера стояла чашка, рядом лежал раскрытый блокнот.

— Это твоя комната?

— Да.

— Я могу в другой. Или на диване.

Алекс вынула из ящика несколько вещей и взяла со стола блокнот.

— Я ещё работаю.

— Но потом…

— Потом лягу.

Она направилась к двери.

Самира почувствовала знакомое желание остановить её. Объяснить, что она не собирается никого стеснять, что ей достаточно совсем немного места, что вообще не стоило из-за неё менять планы.

Алекс уже вышла в коридор.

— Спасибо, — сказала Самира ей вслед.

Та кивнула и прикрыла дверь.

Самира осталась одна.

Некоторое время она продолжала стоять у кровати, сжимая ремень сумки. За дверью прозвучали шаги, негромко отодвинулся стул. Потом стало тихо.

Никто не вернулся.

Самира поставила сумку на пол и села.

Матрас слегка прогнулся. Она провела ладонью по покрывалу, разгладила появившуюся складку. В комнате было достаточно места, чтобы встать, подойти к окну, открыть шкаф. На тумбочке стояла небольшая лампа с потёртой кнопкой.

Можно было просто посидеть.

Эта мысль почему-то никак не укладывалась в голове.

В особняке в такой час обязательно что-нибудь происходило. Возвращался патруль, работница спрашивала о запасах, кто-то искал чистую рубашку или пытался выяснить, куда исчезла нужная вещь. Самира часто ворчала, что взрослые мужчины способны найти дорогу между мирами, но теряются перед бельевым шкафом.

Она знала, как устроен тот дом.

Знала, кому не стоит оставлять остывший ужин, кто забудет поесть, если не поставить тарелку прямо перед ним. Умела договориться с упрямым поставщиком, заметить ошибку в счёте, распределить работу так, чтобы к вечеру никто не падал с ног.

А теперь сидела в чужой комнате и не понимала, можно ли положить ноги на покрывало.

Самира опустила голову.

Взгляд остановился на подоле платья. У самого края темнело маленькое пятно — наверное, задела землю, когда переставляла вазу.

Ещё несколько часов назад она собиралась вернуться домой после свадьбы, снять это платье, повесить на спинку стула и подумать, удалось ли всё так, как хотелось Ади.

Теперь она не знала, куда вернётся завтра.

* * *

В ванной Самира долго не могла расстегнуть браслет.

Застёжка была маленькой, пальцы соскальзывали. Она попыталась ещё раз, сильнее потянула тонкую цепочку и тут же испугалась, что порвёт.

Обычно с такими вещами помогала одна из девушек.

Самира представила, как Бэлла раздражённо говорит: «Дай сюда, ты сейчас всё сломаешь», — и осторожно разворачивает её запястье к свету.

От этого воспоминания снова защипало глаза.

Она положила руки на край раковины и подождала.

Потом попробовала ещё раз.

Застёжка открылась.

Самира сняла серьги, вынула шпильки. Сложила всё на полотенце, чтобы не укатилось. Волосы рассыпались по плечам, потянули кожу там, где весь день были туго собраны.

В зеркале она показалась себе старше, чем утром.

Косметика смывалась не сразу. Пришлось несколько раз

менять ватный диск, осторожно проводить под глазами, ополаскивать лицо. Вода шумела слишком громко для незнакомой квартиры.

Самира убавила напор.

Она и здесь старалась никому не мешать.

Вернувшись в комнату, аккуратно повесила платье на спинку стула. Чужая футболка оказалась свободной, рукава закрывали почти половину ладони. Самира подвернула их и вдруг почувствовала, насколько устала.

Не ноги, не спина.

Всё сразу.

Она легла поверх покрывала, но почти тут же села обратно.

Телефон.

Он оставался в сумке.

Самира вынула его, положила рядом с собой и некоторое время смотрела на тёмный экран.

Саид не знал, что она уехала.

Ей хотелось, чтобы он заметил.

И хотелось, чтобы не искал.

Оба желания жили в ней одновременно, и от этого становилось стыдно. Она сама ушла, никого не предупредив. Не дала возможности спросить, остановить, хотя бы сказать что-нибудь.

Но разве она выдержала бы его вопросы?

Если бы он вышел вслед за ней, остановился в дверях

и привычно нахмурился, она, наверное, опять ответила бы, что всё хорошо.

Самира провела пальцем по краю телефона.

Она не слышала его ответа.

Эта мысль возвращалась с неприятным упорством. Всё, что произошло после её ухода из коридора, оставалось неизвестным. Саид мог отстраниться. Мог сказать Сабине, что разговор закончен.

Самира понимала это.

И всё равно видела её руки.

Она положила телефон экраном вниз.

В особняке их комнаты находились рядом. Она знала, когда Саид возвращался поздно: сначала шаги в коридоре, потом короткий поворот ключа, звук закрывающейся двери. Иногда скрипел стул, иногда ещё долго горел свет, видимый из-под порога.

Самира никогда не признавалась себе, как часто прислушивается.

Как иногда задерживается на кухне без всякой необходимости, потому что он ещё не пришёл.

Как точно знает, в какой чашке ему удобнее пить, и всё равно делает вид, что ставит на стол первую попавшуюся.

Пять лет — большой срок.

Достаточный, чтобы перестать ждать от человека любви.

Она думала, что перестала.

Самира повернулась к окну.

Снаружи кто-то разговаривал, хлопнула автомобильная дверь. По стеклу медленно прошла тень от ветки. Дом жил своей жизнью, в которой для неё пока нашлось только место на кровати.

Завтра придётся решать.

Встречаться с Саидом. Слушать то, что он скажет. Возможно, самой задавать вопросы.

Мансур не выставит её за дверь — в этом она почти не сомневалась. Но оставаться там, где всё будет напоминать о Саиде, показалось сейчас невозможным.

Она сможет найти работу.

Уже находила однажды.

Сможет снять комнату, купить посуду, научиться просыпаться в доме, где за соседней дверью никто не живёт.

До этого места мысли шли ровно.

Потом Самира представила, что больше не услышит его шагов, и прижала ладонь к глазам.

Ей понадобилось много времени, чтобы убрать руку.

* * *

Проснулась она от полоски света на подушке.

Несколько мгновений не понимала, где находится.

Книжные полки. Незнакомая лампа. Платье на стуле.

Потом всё вернулось.

Самира лежала неподвижно, глядя на складку покрывала возле руки. Ночью она всё-таки забралась под него, но не помнила когда. Телефон остался на тумбочке, сумка — на

полу.

За дверью что-то тихо щёлкнуло.

Она приподнялась.

Из коридора тянуло запахом кофе.

Самира посмотрела на часы. Было рано, но в особняке она обычно уже вставала. Тело проснулось по привычке, раньше, чем ей хотелось.

Она осторожно спустила ноги на пол. Пятка отозвалась болью; пришлось перенести вес на носок.

В ванной на полке лежали её серьги и браслет. Самира собрала их, умылась, пригладила волосы мокрыми ладонями. Убирать их в причёску не стала — только заправила несколько прядей за уши.

Алекс сидела за кухонным столом.

Перед ней был открыт ноутбук, возле чашки лежали листы с пометками. Она подняла глаза, когда Самира появилась в дверях.

— Доброе утро.

— Доброе.

Самира остановилась возле свободного стула.

— Ты давно встала?

— Ещё не ложилась.

Она посмотрела на часы, потом снова на Алекс.

Та закрыла один из листов другим и поднялась.

— Чай, кофе?

Самира помедлила.

— А какао есть?

— Есть.

— Тогда какао. Если можно.

Алекс достала вторую чашку.

Самира села.

Она уже бывала в гостях, ночевала в чужих домах, знала, как вести себя по утрам. Обычно следовало предложить помощь, спросить, где что лежит, постараться убрать за собой прежде, чем заметит хозяйка.

Сейчас она просто смотрела, как Алекс наливает молоко в маленький ковш.

На подоконнике рос базилик. Один стебель наклонился к стеклу, и листья почти касались его. За окном начинала шуметь улица; внизу коротко загудела кофемашина.

Самира вспомнила об Ане и Аэле.

— Они ещё здесь?

— Да.

— Всю ночь были в кафе?

Алекс кивнула, не оборачиваясь.

Самира опустила глаза к своим рукам.

Она не знала, что именно Алекс написала им вчера. Как объяснила, почему они уезжают вчетвером. Спрашивали ли они потом о ней.

Сейчас ни один из этих вопросов не получалось задать вслух.

На стол опустилась чашка.

— Сахар рядом.

— Спасибо.

Алекс вернулась на своё место и придвинула ноутбук. Самира обхватила чашку ладонями. Керамика была горячей; она немного ослабила хватку, оставив пальцы на ручке.

Какао пахло так знакомо, что на секунду стало трудно дышать.

Имран всегда просил положить больше порошка. Уверял, что иначе это просто молоко, а молоко он и без неё умеет пить. Потом всё равно оставлял на дне густой сладкий осадок и сердился, когда Самира смеялась.

Она сделала маленький глоток.

Слишком быстро.

Горячее обожгло язык. Пришлось поставить чашку и подождать.

— Не нравится? — спросила Алекс, заметив, что она перестала пить.

— Нет. Горячо.

Алекс кивнула и снова посмотрела на экран.

Больше ничего не спросила.

Самира сидела напротив, наблюдая за её руками. Алекс что-то отмечала на листе, сверяла с открытым документом, иногда делала короткую запись. Возле локтя лежал телефон. Когда экран загорался, она читала сообщение и откладывала его обратно.

Обычное утро.

Никто не осторожничал рядом с Самирой. Не смотрел на неё с сожалением, не понижал голос, не предлагал поговорить о вчерашнем.

Она вдруг поняла, как устала готовиться к чужой жалости.

— Ты не спросишь? — произнесла она.

Алекс подняла глаза.

— О чём?

Самира провела пальцем по краю ручки.

— Почему я вчера…

Она не закончила.

Алекс посмотрела на неё ещё несколько мгновений.

— Ты хочешь рассказать?

Самира открыла рот.

Она могла бы начать с записки. Сказать, что увидела Сабину, что не дождалась ответа Саида. Или гораздо раньше — с другой записки, другого дома, того дня, когда ей показали письмо и велели помочь семье.

Но за первой фразой потянулось бы слишком много.

Самира опустила голову.

— Пока не знаю.

— Тогда не надо.

Алекс снова взяла ручку.

Ответ был таким простым, что Самира некоторое время продолжала смотреть на неё.

Она привыкла, что после отказа всё равно спрашивают ещё раз. Мягче или настойчивее, с обидой, с обещанием ни-

кому не рассказывать. Здесь разговор закончился.

Можно было пить какао.

Самира придвинула чашку.

За окном проехала машина с открытым кузовом. В нём лежали ящики с цветами. Один покачнулся на повороте, водитель притормозил, и цветы скрылись за углом.

Вчера она тоже расставляла цветы.

Ей вспомнилась Ади на ступеньках. Рука Кемаля, терпеливо протянутая навстречу.

Самира закрыла глаза всего на мгновение.

Ей не хотелось, чтобы сегодняшний день начинался с возвращения.

Снова проверять, как она выглядит. Думать, что спросит Саид, если вообще спросит. Придумывать объяснение для Бэллы, которая заметит усталость раньше, чем она успеет поздороваться.

Она знала, что откладывать разговор бесконечно не получится.

Но сейчас чашка ещё была тёплой. За столом хватало места, а человек напротив не ждал от неё ни одного правильного слова.

— Алекс?

Та подняла голову.

Самира сцепила пальцы под столом, потом разжала.

— Можно я пока останусь?

— Оставайся.

— Я не знаю, на сколько…

— Скажешь, когда решишь.

Алекс вернулась к своим записям.

Самира посмотрела в чашку. На поверхности ещё держалась тонкая пенка. Она осторожно размешала её ложкой и сделала глоток.

Теперь какао можно было пить.

Снизу снова донеслись голоса. Ан, судя по всему, что-то искал; Аэль с непоколебимой уверенностью доказывал, что вещь лежит прямо перед ним.

Самира прислушалась.

Потом чуть отодвинула стул, устраиваясь удобнее, и осталась за столом.

Глава 3: не тот ответ

Саид понял, что кофе другой, только после второго глотка.

Посмотрел в чашку, поставил её на подоконник. Внизу, за садовой оградой, медленно светлело небо. Над уцелевшим домом возле старой лестницы поднимался дым: пекарь, как всегда, вставал раньше всех. Вскоре из нижнего двора потянет хлебом. Через дорогу от пекарни по-прежнему стояла стена без крыши, и в щели между камнями зеленело молодое деревце.

Пять лет назад Саид не мог представить, что однажды будет считать открывшуюся пекарню хорошей новостью.

Он спал мало. Когда вернулся в особняк, за окнами уже серело; на лестнице никого не встретил, из-под двери Самиры не пробивался свет. Прошёл мимо, стараясь не шуметь. Должно быть, приехала раньше, с кем-нибудь из остальных.

Сейчас эта мысль ещё не вызывала сомнений.

Вчера долго убирали столы. Зак уверял, что до утра управятся, Адам отвечал, что именно поэтому стоило начать раньше. Кто-то уронил стопку тарелок, разбилась, к счастью, только одна. Кемаль носил сложенные скатерти и всё время поглядывал на лестницу, куда Ади ушла переодеваться.

— Ты вообще дышишь? — спросил тогда Саид, проходя мимо.

— Иногда.

Он рассмеялся. Теперь почему-то помнил, как друг поднял глаза ещё до того, как наверху послышались шаги.

Саид провёл ладонью по лицу. Вчерашний смех, тёплый вечер, лёгкое платье Ади — всё это осталось в одном дне с библиотекой и голосом Сабины. Воспоминания никак не желали разойтись.

Она почти не изменилась. Тот же поворот головы, та же привычка замолкать, когда ответа ждали от неё, а не от него. Говорила о возвращении так, словно между ними произошло досадное недоразумение. Несколько слов, которые можно подобрать правильно, — и дальше они продолжат с того места, где остановились.

Саид ничего не мог продолжить.

Особенно после её просьбы развестись.

Он столько лет считал, что именно этого хотел. Держался за свою обиду, берег её от чужих возражений, находил в ней объяснение всему, что делал и чего не делал. А вчера нужные слова произнесла Сабина — и в нём не возникло ожидаемого облегчения.

Осталась тяжесть.

Саид взял остывающую чашку и допил кофе, уже не замечая вкуса.

В дверь заглянул Рашид.

— Через полчаса у Мансура. Ан с Аэлем возвращаются со смены.

Он кивнул.

— Кемаля не будите, — добавил Рашид. — Это приказ, если кто-нибудь вдруг решит пошутить.

Саид коротко усмехнулся. Дверь закрылась, и кабинет снова наполнился утренней тишиной.

* * *

В квартире над кафе день уже начался.

За окном провезли тележку с ящиками; её колёса дребезжали на неровной мостовой. Внизу Ан что-то негромко сказал Аэлю. На кухне ложка коснулась края чашки, и Самира, всё ещё смотревшая перед собой, поняла, что держит её слишком крепко.

Алекс сидела напротив.

Перед ней лежали счета. Она делала на полях короткие отметки, иногда отодвигала один лист, брала следующий. Самиру ни о чём не спрашивала. Даже тогда, когда та слишком долго молчала после собственного обращения.

— Мы ведь раньше дружили, — сказала Самира.

Произнести это оказалось легче, чем имя мужа.

Алекс подняла глаза. Положила ручку на стол.

— С Саидом, — добавила Самира. — До свадьбы. До всего, что потом случилось.

Она попыталась улыбнуться, но губы не послушались. В чашке ещё держался запах какао; Самира посмотрела на тонкую полоску пены у края и вдруг вспомнила, как когда-то отдавала Саиду вторую бутылку воды, уверяя, что взяла её

случайно.

Можно было начать с этого. С чего-нибудь хорошего. Только от хорошего почему-то сразу перехватило горло.

— Он смеялся со мной. Всё время дразнил. Мы с Имраном ждали его после занятий, а если он задерживался, брат сердился сильнее меня. Делал вид, что торопится домой. И при этом никуда не уходил.

Она негромко выдохнула — почти рассмеялась.

Алекс продолжала смотреть на неё. Не подсказывала, что следует сказать дальше.

Самира провела большим пальцем по ручке чашки.

— Я тогда думала, что знаю его. Наверное, так и было. Он не притворялся. Просто… я оказалась для него совсем не тем человеком, каким он был для меня.

За окном хлопнула дверца машины. Самира дождалась, пока стихнет шум мотора, хотя он почти не мешал говорить.

— Потом он выбрал Сабину. Это было больно, но ведь он ничего мне не обещал. Не говорил, что любит. Я это понимала. Правда понимала. А потом не стало дяди Халида…

Она замолчала.

Ручка чашки врезалась в палец. Самира разжала ладонь, посмотрела на оставшуюся красную полоску. Странно было плакать здесь о человеке, которого Алекс никогда не видела. Ещё страннее — обнаружить, что эта мысль не мешает продолжать.

— Он забрал меня к себе, когда родители погибли. Мне

было пять. Я помню его прихожую лучше, чем тот день, когда уехала из родного дома. У двери лежали яблоки. Одно упало на пол, я всё ждала, что появится мама и скажет его поднять.

Самира закрыла глаза.

Этого она не рассказывала даже Саиду.

Алекс не потянулась к ней через стол. Не сказала, что всё было давно. Оставалась на своём месте, и в какой-то момент Самира перестала тратить силы на то, чтобы выглядеть человеком, с которым уже всё в порядке.

Слова начали выходить сами.

Не по порядку. О смерти Халида она сказала меньше, чем о комнате, которую пришлось оставить. Про своё возвращение на свадьбу сестры — больше, чем собиралась. Иногда находила точную фразу и от неё становилось ещё больнее; иногда обходилась одним «тогда», потому что называть случившееся заново не хватало дыхания.

Она рассказывала про письмо Сабины. Про Надиру, державшую её за запястья. Про обещание всё объяснить Саиду, которое оказалось нужно лишь затем, чтобы Самира перестала сопротивляться.

— Я ведь хотела помочь, — произнесла она наконец. — Какая глупость, да? Я правда решила, что если сделаю, как она просит, то хоть что-нибудь станет лучше.

Ей не ответили ни согласием, ни поспешным возражением.

Самира подняла глаза. Алекс слушала.

Не требовалось убеждать её, что за этими словами было ещё что-то, кроме наивности. Можно было рассказать, как сильно хотелось снова остаться в том доме. Как много значило, что тётя вдруг обняла её на пороге, и как стыдно признаться в этом теперь, когда конец истории известен.

Самира рассказала и это.

Какао постепенно остыло. Она заметила не сразу.

* * *

На первом этаже Аэль перестал размешивать кофе.

Положил ложку рядом с блюдцем, хотя сахар давно растворился. Напротив Ан поднял голову к потолку.

Людям в кафе наверняка мешали бы улица, шум воды у мойки, перекрытие над головами. Ангел и джинн слышали голос со второго этажа отчётливо. Они не пытались прислушиваться; просто привыкли замечать то, что человеческое ухо пропускало. Сейчас привычка, от которой зависела безопасность поста, сделала их свидетелями разговора, к которому никто не приглашал.

Наверху Самира заговорила о вчерашнем вечере.

Произнесла имя Сабины.

Аэль медленно отодвинул чашку.

— В библиотеке, — донеслось сверху. — Я видела их в библиотеке. Она попросила его развестись со мной. Потом обняла…

Стул едва слышно скользнул по полу.

Ан поднялся следом за ангелом. Они вышли из кафе, пересекли небольшой двор и остановились у дальней ограды, откуда был виден вход. Дверь за ними закрылась. Теперь негромкий голос наверху можно было оставить его хозяйке.

Никто из мужчин не заговорил.

Когда во двор въехала машина Рира, Аэль первым отошёл от стены.

Дис вышел с другой стороны. Поздоровался, забрал связку ключей. Рир уточнил, всё ли спокойно вокруг; Ан ответил, показал, где рабочие сложили материал и какой проход нужно оставить свободным.

Смену передавали, как обычно: двое — двоим.

Рир заглянул на лестницу, убедился, что обе девушки наверху. Дис остался у входа. Только после этого Ан и Аэль направились к своей машине.

На втором этаже их отъезд не заметили.

* * *

— Я не дождалась, что он ответит, — сказала Самира.

Собственный голос к концу рассказа стал глухим. Она провела ладонью по щеке, убирая влагу, которую больше не получалось удерживать.

— Наверное, нужно было остаться. Хотя бы понять… Я же сама не знаю, что он сказал ей потом.

Долгое время ей казалось, что к этому вопросу она готова. Сможет выслушать, кивнуть, уйти без слёз. В библиотеке выяснилось: ничему она не научилась. Только усердно отво-

рачивалась от того, что по-прежнему болело.

Самира посмотрела на Алекс — и тут же опустила взгляд.

Ей не хотелось узнать по чужому лицу, насколько жалко всё это звучит.

Но лицо напротив не изменилось. Алекс сидела, положив руки возле отложенных бумаг. Не перебивала, не искала слов, которые можно было бы предложить вместо молчания.

Самира ещё немного говорила.

Уже о другом: как трудно вернуться в свою комнату и снова вести себя обычно; как страшно услышать от мужа то, что сама давно предполагаешь; как устала она угадывать, не слишком ли заметно её присутствие. На некоторых словах голос обрывался. Тогда она ждала и начинала снова.

За много лет это был первый разговор, в котором можно было дойти до конца.

Когда слов не осталось, Самира долго смотрела в стол.

Плечи болели. Под глазами, должно быть, лежали тёмные тени. Хотелось спать и почему-то всё время пить, хотя чашка была почти полной.

Алекс поднялась.

Забрала остывшее какао, вылила, через минуту поставила перед ней свежее. Ручку повернула в её сторону.

Самира обхватила чашку ладонями. Тепло сначала показалось слишком сильным, потом медленно стало приятным.

— Спасибо, — прошептала она.

Алекс села обратно.

Больше они не разговаривали.

* * *

К началу собрания солнце поднялось над оградой сада.

Саид пришёл последним из тех, кто ночевал в особняке. На столе у Мансура лежали донесения, раскрытая карта северных дорог и несколько писем, сложенных отдельно от остальных. Один край карты упрямо сворачивался. Рашид придавил его тяжёлой рукоятью тренировочного клинка.

Скар сидел, уронив голову на ладонь.

— Предлагаю больше не проводить свадьбы перед рабочим днём.

— Можешь внести в устав, — ответил Ан, входя.

Аэль прошёл следом и занял место у двери.

Саид посмотрел на обоих. Не стал спрашивать, почему вернулись позже остальных. Знал: Алекс осталась в мире людей, там у них дежурство. Решение девушки жить над кафе давно перестало быть новостью. С тех пор как Мансур предложил ей остаться в Эльнарсе и получил отказ, охрана ездила туда по очереди. Аэль с Аном находили причины менять чужие дни на свои гораздо охотнее других.

— Рир с Дисом приняли пост? — спросил Рашид.

Ан кивнул.

Обсудили дорогу к северному складу. Недостающее стекло для лечебницы. Рабочих, которых нельзя было отправить на два объекта одновременно, хотя каждый управляющий считал свои окна важнее чужих.

За окном прокричала птица. Скар выпрямился, провёл рукой по лицу и стал говорить о раненом каменщике. Кто-то подвинул к нему воду. Обычное утро в доме, где праздник мог закончиться глубокой ночью, а жизнь всё равно требовала продолжения.

Саид слушал, делал пометки. Иногда думал о Сабине — и сердился, обнаруживая, что за последними словами Рашида не последил.

Аэль не проронил ни слова.

Когда разговор закончился, Саид первым поднялся. Ему с Рашидом предстояло ехать к управляющему, и он собирался успеть до того, как там начнут разгружать новую партию.

У самой двери его остановили.

— Каково это? — спросил Аэль.

Саид обернулся.

— Что?

— Быть мужем и не знать, где твоя жена.

Стул под чьей-то рукой перестал скрипеть.

Саид выпрямился медленно. Он ещё не понял, о чём речь, но уже не понравилось, каким тоном это сказано. Перед всеми. В доме, где ни один из них прежде не позволял себе подобных вопросов.

— Объяснись.

— Или после вчерашнего тебя это уже не касается?

Рашид положил бумаги обратно на стол.

Саид шагнул к ангелу.

— Следи за тем, что говоришь.

— Твоя жена вчера уехала со свадьбы, — ответил Аэль. — Сегодня утром она сидела в чужом доме и плакала. Пока ты, вероятно, ещё думал, достаточно ли убедительно объяснил её сестре, что женат.

Жар поднялся от груди к лицу.

Вот теперь Саид понял.

Не всё, но достаточно, чтобы в одну секунду возненавидеть спокойный кабинет, молча смотревших товарищей и то, что посторонний знает о его жене больше него самого.

— Пообщавшись с этой чокнутой, ты, кажется, и сам перестал соображать.

Аэль подался вперёд.

— Именно эта «чокнутая» вчера оказалась рядом с твоей женой. Увела её оттуда, где ты обнимался со своей бывшей невестой. И все утро молча слушала то, на что у тебя не нашлось времени за прошедшие пять лет.

Саид даже не заметил, как сжал руки.

Ан встал между ними. Ничего не сказал, только положил ладонь напарнику на грудь, удерживая от следующего шага. Аэль смотрел поверх его плеча.

— Аэль, успокойся, — произнёс Мансур.

Ангел резко повернул голову.

— Я…

— Я слышал.

Король не повысил голоса. В кабинете и так было слиш-

ком тихо.

— Что бы там ни случилось, мы не имеем права лезть в отношения мужа и жены. Они должны разобраться сами.

Аэль приоткрыл рот, но Мансур продолжил:

— Помочь, если попросят, — можем. Решать за них — нет. И обсуждать их жизнь вместо них тоже.

Ан медленно убрал руку. Его напарник отступил к окну.

Саид стоял у двери, чувствуя, как кровь стучит в висках.

Она видела их. Плакала. Уехала.

Вчера он даже не заметил, что её больше нет на празднике.

От этой мысли становилось настолько неприятно, что хотелось немедленно разозлиться на кого-нибудь ещё. На Аэля с его правотой. На Алекс, оказавшуюся рядом, когда его не было. На Самиру — за то, что не сказала ему ни слова, хотя он сам не смог бы вспомнить, когда в последний раз давал ей такую возможность.

Рашид поднял со стола бумаги.

— Машина у ворот, — произнёс он, проходя мимо.

Саид вышел следом.

В саду пахло сырой землёй. Солнечный свет лежал на ступенях, высушивая оставшиеся после ночи тёмные пятна. Мир за дверью кабинета не изменился. Нужно было ехать на склад, задавать вопросы, смотреть подписи, выполнять свою работу.

Саид сел в машину.

Только много позже, уже на дороге, поймал себя на том,

что пытается вспомнить её вчерашнее лицо — и не может вспомнить.

Он почти не посмотрел на жену.

* * *

На складе их встретил запах сырого дерева.

Дождь добрался под навес. Возле двери тянулась тёмная полоса, и двое рабочих переставляли мешки, стараясь не рассыпать зерно. Саид помог поднять край поддона. Один из мужчин поблагодарил, второй всё время поглядывал на рукоять у него на поясе.

Рашид не стал торопить.

Управляющий вышел с раскрытой книгой. За его плечом появился счетовод — худой, с перевязанными пальцами левой руки. Саид узнал Харуна: тот работал здесь с первой зимы, когда стены ещё закрывали парусиной и выдачу приходилось вести при свете одной лампы.

— Покажите, — сказал Рашид.

По бумагам недостача была небольшой. Три ящика, отправленные в мастерскую на северной дороге. Крепления для новых окон, инструменты, расходные материалы. Саид прочёл список и поднял голову.

— А фактически?

Управляющий молча перевернул страницу.

Внутри должны были лежать осколки Границы.

Теперь Саид посмотрел внимательнее. На полях стояла отметка особого хранения. Выдачу разрешили ещё до свер-

ки, под личную ответственность одного из стражей.

Под строкой значилось его имя.

— Меня здесь не было.

Харун переложил книгу ближе.

— Разрешение принесли заранее. С вашей подписью. И с печатью.

Рашид вынул чистую ткань, расстелил на столе. Бумагу положили сверху. На печати даже излом у края был на месте — Саид помнил, как Мансур задел перстнем каменную ступень. Тот, кто подделывал, видел оригинал близко.

Лицо у управляющего стало серым.

— Я ведь проверял. Всё, как вы требовали…

— Кто забирал? — спросил Рашид.

Назвали возницу, час, номер телеги. Пока Рашид записывал, Саид прошёл к воротам. Ребёнок за оградой ковырял носком щель в мостовой, мать торговалась с продавцом муки. Люди наконец начали привыкать, что можно стоять на улице, говорить о ценах и не смотреть каждый миг за спину.

Один из грузчиков подошёл сам.

— У них собака не залаяла, — сказал он.

Саид повернулся.

— Какая собака?

— Наша. Дворовая. За каждым колесом гоняется. А тогда под настил забилась. Весь день не выходила. Я не подумал…

Мужчина посмотрел в сторону ребёнка, будто тоже только сейчас заметил, насколько близко от ворот играют.

Саид попросил вспомнить лица. Не вышло. Зато грузчик описал рукав одного из приезжих и перчатку, которую тот не снял даже возле жаровни.

Когда вернулись в контору, Рашид уже запирал разрешение в тонкий футляр.

— Обычную выдачу продолжаете, — сказал он управляющему. — Всё, что касается осколков, до отдельного подтверждения не трогать. Людей не распускайте. Поговорим с каждым.

Харун кивнул вместе с остальными.

Саид ещё раз посмотрел на собственное имя, прежде чем крышка закрылась.

На обратной дороге он принял вызов. Выслушал, ответил, что приедет, и только потом повернулся к спутнику.

— Продавец просит поговорить. Тот, которого привели из Ирхаса.

Саид вспомнил открытку. Четыре нарисованные фигурки, чужая рука на запястье Ади, мысли, которые она принимала за собственные. Опасность не всегда входила через пролом. Иногда ей хватало прилавка и приветливого голоса.

— Считаешь, связано?

— Считаю, нужно проверить.

У особняка уже открыли окна. В одном мелькнула светлая ткань. Саид невольно всмотрелся и почти сразу отвернулся.

Не она.

Теперь хотя бы знал, где жена. И от этого почему-то ста-

новилось только тяжелее.

Глава 4: я согласна

К вечеру Самира сама попросила отвезти её обратно.

Она собиралась сказать об этом ещё после обеда. Потом — когда допьёт чай. Когда умоется. Когда перестанет вздрагивать от собственного отражения в оконном стекле. Время непослушно уходило, а подходящего мгновения так и не появлялось.

Алекс не напоминала об особняке. Занималась своими делами, оставляла Самире место за столом, однажды молча переставила настольную лампу, потому что та закрывала половину окна. Здесь можно было остаться ещё на ночь. От одного сознания, что её не выпроваживают, становилось легче.

Но в особняке остались её вещи.

Пять лет жизни, которые нельзя было сложить в одну сумку, даже если самой очень хотелось поверить в обратное.

Когда снизу донёсся голос Скара, Самира подняла голову. Вечерняя смена: Рир с Дисом скоро вернутся в Эльнарс, вместо них останутся Скар и Рауф.

Она подошла к лестнице прежде, чем успела передумать.

— Я могу поехать с вами?

Рир обернулся.

— Конечно.

Не задал ни одного вопроса, лишь забрал небольшую сумку, которую Самира держала у груди обеими руками, и ска-

зал, что позовет когда будут готовы.

Наверху она остановилась у дверей комнаты Алекс.

— Я уеду с ними.

Девушка отложила бумаги.

— Хорошо.

Самира кивнула, но не ушла. Слишком мало получалось слов для целого дня, который ей позволили прожить иначе.

— Спасибо, что разрешила остаться.

— Ты уже благодарила.

— Знаю.

Самира попыталась улыбнуться. Алекс смотрела на неё спокойно, и эта невозмутимость вдруг помогла удержать улыбку, не превратив её в слезы.

У лестницы Скар принимал ключи у Диса. Рауф проверял задний выход. Внизу всё было устроено так, чтобы никто не исчезал раньше, чем другой займёт его место. Самира заметила это теперь особенно остро: за её растерянным днём кто-то продолжал следить за дверьми, улицей, машинами возле дома.

Она спустилась к вниз к стражам.

* * *

Дорога к мосту прошла в тишине.

За окном тянулись последние городские дома, придорожные ограды, мокрая после полива зелень. Дис сидел впереди рядом с Риром, изредка отвечал ему несколькими словами. Никто не развлекал Самиру разговором, не требовал смот-

реть в окно или отвлечься.

Она была за это благодарна.

У старого каменного моста Рир сбавил скорость. Между деревьями уже сгущалась тень. Самира знала этот поворот, низкую ветку над ограждением, короткий миг, когда привычный воздух менялся и тело раньше глаз понимало, что дорога продолжилась в другом мире.

Сегодня возвращение в Эльнарс не принесло облегчения.

Впереди лежал дом, в котором она умела всё, кроме самого нужного сегодня разговора.

Когда машина въехала во двор, в окнах верхнего этажа ещё горел закат. У боковой двери стояли сложенные вчера стулья — те, что забрали после праздника. На перилах забыли узкую ленту. Ветер перебрасывал её через камень и ронял обратно.

Али увидел Самиру из коридора.

Через несколько мгновений уже сбегал по ступеням.

— Ты вернулась! А я хотел наверх подняться, Зухра не пустила. Сказала, не трогай человека, пусть отоспится.

Самира остановилась у машины.

Ей понадобилось мгновение, чтобы понять: никто не заметил, что ночью она не приезжала.

Здесь не было тайны, которую целый день обсуждали за её спиной. Просто все вернулись поздно. Убрали в доме молодожёнов, разобрали привезённые вещи, разошлись по комнатам, мечтая добраться до постели. Утром ели, кто когда

проснулся, и снова уходили отдыхать.

Её молчание тоже приняли за усталость.

— Я просто… отлучилась, — сказала Самира.

Али кивнул, не придав этому значения.

— Там Салим хотел спросить про ужин. И ключ от кладовой куда-то делся. Я его на полке оставлял.

— На какой?

Он задумался.

Самира невольно улыбнулась.

— Давай сумку поставлю и посмотрю.

Рир отдал ей вещи у входа. Дис придержал дверь, пропуская вперёд. От этой обычной заботы Самиру на секунду захлестнула такая благодарность, что она не нашла слов и только кивнула обоим.

В доме было непривычно тихо.

Не слышно торопливых шагов, позвякивания посуды, Зарининых вопросов из кухни. Только где-то наверху негромко переговаривались братья, а из гостиной тянуло прохладой открытого окна. Самира поставила ладонь на знакомые перила и идя к себе.

До двери оставалось несколько шагов, когда вышел Саид из своей комнаты, с полотенцем в руке. Видимо, уже вернулся со своего обхода и успел умыться. Волосы у висков ещё были влажными.

Улыбка, которую Самира принесла со двора, исчезла раньше, чем она успела удержать лицо.

Он это увидел.

Она поняла по тому, как остановилась его рука.

— Добрый вечер, — произнесла Самира.

Саид посмотрел на сумку, потом на неё.

— Привет.

Можно было открыть дверь. Сказать, что нужно переодеться, и отложить всё хотя бы до ужина. Самира уже взялась за ручку, когда мужчина заговорил:

— Нам нужно поговорить.

Она опустила глаза.

Сейчас.

На кухне не разобраны продукты. Завтра нужно проверить бельё для гостевых комнат, но это её уже не будет касаться. В ящике стола лежат письма Имрана, их обязательно забрать — куда бы ни пришлось уехать. Зухра спросит, в чём дело, и ей тоже придётся что-то ответить.

Мысли цеплялись за эти мелочи, не подпуская к главному.

Саид стоял перед ней и ждал.

Ему, наверное, тоже нелегко. Даже желанное расставание неприятно обсуждать с человеком, который может начать плакать.

Самира сжала ремень сумки.

— Тебе не о чем волноваться. Я согласна.

Он нахмурился.

— На что?

Произнести само слово она не смогла. Сказала другое:

— Только дай мне немного времени собрать вещи.

Саид не шевелился.

В первый миг ей показалось, что он не расслышал. Потом — что рассердился на поспешность, с которой она решила облегчить ему задачу.

Снизу позвала Зухра.

Самира благодарно ухватилась за этот голос.

— Я сейчас приду.

Она ответила громче, чем требовалось, и почувствовала себя ещё несчастнее. Улыбнулась Саиду — беспомощно, кое-как, не глядя ему в глаза, — открыла комнату, поставила сумку у стены.

Вернувшись в коридор, не подняла головы.

Муж отступил, пропуская её.

* * *

Зухра нашла ключ раньше Али.

Он лежал в корзине с чистыми полотенцами. Самира достала его из складки ткани и протянула мальчику. Тот забрал, возмутился чужому коварству, отчего повар велел ему не обвинять полотенца в собственных привычках.

Самира рассмеялась.

Смех получился коротким. Однако от него стало чуть легче.

— Ты ела сегодня? — спросила Зухра.

Она кивнула.

— Тогда иди присядь. Мы тут справляемся.

На кухне практически всё уже было готово к ужину. Салим предусмотрительно приготовил то, что можно разогреть без потери вкуса; никто не знал, сколько человек спустится к столу и когда. Зара резала хлеб, Али полоскал кувшин.

Самира подошла к разделочной доске.

— Я салат доделаю.

Зухра не стала спорить. Подвинула ей миску и нож. Здесь руки знали, что делать.

Огурец под лезвием, зелень, которую нужно встряхнуть, чтобы не осталось воды. Достаточно маленьких движений, в каждом из которых можно было быть уверенной. Самира нарезала овощи и постепенно перестала прислушиваться к лестнице.

Поэтому появление Саида застало её врасплох.

Салим поднял голову.

— Ужин скоро? — спросил страж.

— Через полчаса. Если все соберутся.

Саид кивнул.

И остался.

Сначала Самира решила, что он хочет что-нибудь взять. Потом увидела, как тот подошёл к окну и опёрся о подоконник, не сводя с неё глаз.

Нож остановился.

Она заставила себя опустить его снова.

Только не здесь.

Не среди людей, с которыми можно было говорить о чём

угодно, кроме собственной несчастливой жизни. Она уже согласилась. Не собирается ни просить, ни спорить. Ему осталось решить что-то вполне понятное: сколько времени дать ей, куда она поедет, что сказать остальным.

Самира разрезала следующий огурец слишком тонко.

Зара поглядела на неё, затем на Саида, поставила тарелку на стол с излишней осторожностью.

Разговоры на кухне стихли.

Он и раньше сюда заходил — за водой, передать чьё-нибудь поручение, забрать еду для дежурных. Но никогда не оставался без причины, наблюдая за женой, пока остальным приходилось старательно вести себя как обычно.

От его молчания было трудно дышать.

Самира взяла готовую миску.

— Я проверю стол.

— Мы ещё не… — начала Зухра и остановилась.

Она поняла.

Самира вышла в столовую, поставила миску, ухватилась за спинку стула. Отворённое окно пропускало воздух из сада. Следовало подойти к нему, глубоко вдохнуть, перестать держать плечи так высоко.

За спиной послышались шаги.

— Самира.

Она обернулась.

Саид шёл к ней. Самый знакомый человек — и тот, перед кем она сейчас чувствовала себя совершенно беззащитной.

— Я хотел…

— Привет.

В дверях появился Аэль.

Самира повернула голову слишком быстро, выдав облегчение, которого не собиралась показывать.

Ангел заметил, как и Саид.

— А я тебя искал, — сказал Аэль, обращаясь к ней.

— Меня?

Она услышала, как дрогнул голос, и тут же рассердилась на себя.

— Что-то случилось?

— Ничего. Хотел спросить…

Он направился к ней, обходя Саида.

Тот сдвинулся на полшага и оказался между ними.

Не схватил за руку, не сказал ни слова. Просто встал так, что Аэлю пришлось остановиться. Самире стало ещё труднее понять происходящее.

Ангел медленно поднял бровь.

Муж смотрел на него хмуро и настороженно. Самира переводила взгляд с одного на другого, не понимая, почему обыкновенный разговор требует от обоих столько усилий.

Вошла Зара с подносом.

— Кувшины сюда?

Оба мужчины отошли от стола.

Самира выдохнула.

* * *

За ужином людей оказалось больше, чем она ожидала.

Спустились братья и сёстры, пришла Фатима. Рир с Дисом, тоже почти не спавшие ночью, выглядели значительно бодрее тех, кого сменили утром. Рашид принёс бумаги, но убрал их после первого же взгляда Салима.

Кемаля и Ади не ждали: молодожёны уехали на несколько дней.

Амира села возле Самиры.

— Если я сегодня засну прямо здесь, не отдавай меня Рашиду. Он скажет, что у меня слишком мало выносливости.

— Я всё слышу, — отозвался Рашид.

— Тогда это было обращение к тебе тоже.

Бэлла засмеялась, придвинула сестре хлеб и сняла со спинки стула оставленную куртку.

— Ты сама напросилась ещё позаниматься.

— Я не знала, что ты согласишься.

Разговор был старый, домашний. Самира знала, кто первым попросил продолжить тренировку, кто потом всех обгонял на лестнице, а кто делал вид, что совершенно не устал. Здесь давно перестали быть гостями, которым требовалось объяснять дорогу к столовой.

Зак потянулся за кувшином, и на мгновение между его пальцами прошёл слабый свет.

Вода дрогнула.

Он успел поставить кувшин прежде, чем кто-нибудь оказался мокрым.

— Почти, — заметил Зейн.

— Ничего не случилось.

— Почти.

Самира забрала кувшин и налила себе воды. Рука у Зака, ещё недавно привычно уверенная в любом движении, задержалась над столом. Он посмотрел на пальцы без улыбки — лишь на секунду, пока не спросили что-то другое.

Свет появлялся в каждом из них по-своему. У кого-то отзывался раньше, чем получалось удержать; другому приходилось снова и снова повторять одно движение, чтобы добиться едва заметного отклика. Они привыкали к Эльнарсу, к распорядку, к людям за этим столом быстрее, чем к собственной новой силе.

Самира видела, как много терпения это требует.

И как старательно братья скрывают тревогу от сестёр.

Адам попросил передать хлеб, перебил готовую шутку Зака вопросом к Рашиду. Зейн молча подвинул брату чашку подальше от локтя. Всё продолжилось, как обычно.

Саид сидел напротив Самиры.

Она старалась не смотреть на него. Получалось плохо: каждый раз, поднимая глаза, обнаруживала, что он уже смотрит.

— Самира, — позвал Аэль.

Она повернулась к нему.

— Мы с Аном завтра с утра едем к Алекс. Принимаем смену у Скара и Рауфа. Не хочешь с нами?

Вилка в руке Саида перестала двигаться.

У Самиры сначала возникло удивление, потом такая тихая, быстрая радость, что стало неловко перед всеми за столом.

Завтра.

Не нужно придумывать, куда уйти и как попроситься снова. Будет обычная поездка, предложенная при остальных, не похожая на бегство.

— Я бы хотела, — ответила она.

— Значит, утром позову.

Аэль вернулся к ужину.

Амира наклонилась ближе.

— А вы когда успели подружиться?

Вопрос прозвучал без недоверия — с тем живым любопытством, с каким она всегда говорила о своих близких. От этого Самира всё-таки подняла голову.

— Не знаю, подружились ли. Мы после свадьбы немного… побыли вместе.

— Немного? — переспросил Зак.

Зейн посмотрел на него. Тот благоразумно занялся едой.

— Я рада, — сказала Бэлла и чуть коснулась локтя Самиры. — Правда.

Никто не стал требовать подробностей.

Фатима попросила ещё сока. Рашид с Адамом продолжили разговор о завтрашнем занятии. За столом снова задвигались руки, звякнули ложки, кто-то тихонько рассмеялся.

Только Саид молчал.

* * *

После ужина Самира осталась на кухне.

Зухра не разрешила мыть посуду, но отдать ей полотенце, чтобы вытирать, согласилась. Дело было неторопливым. Можно было слушать воду, складывать чашки по местам, не отвечать, если не находилось слов.

— Завтра уедешь — до обеда не жди никаких вопросов, — сказала женщина. — Разберёмся.

Самира посмотрела на неё.

— Я ненадолго.

— Я знаю.

Зухра забрала у неё последнюю тарелку.

Наверх Самиру проводила тишина. Дверь Саида была закрыта. На мгновение она остановилась возле своей — не постучать, не позвать, только перевести дыхание, прежде чем снова остаться в комнате.

Всё лежало, как оставила вчера.

Гребень возле зеркала. Книга с заложенной страницей. Тонкая нитка на рукаве платья, которую заметила перед отъездом и забыла убрать.

Она столько лет думала, что однажды здесь станет иначе. Муж войдёт не за вещью, не с чужой просьбой; просто остановится у порога, останется, спросит, почему она не спит.

Теперь нужно было собираться.

Самира присела на край постели и посмотрела на сумку

у стены. Не открыла. Ещё немного посидела, сцепив руки между коленями, потом всё-таки поднялась умыться.

Утром за ней приедут.

Хотя бы это она знала наверняка.

Глава 5: чей муж?

Самира проснулась раньше, чем требовалось.

Некоторое время лежала, глядя на светлый прямоугольник у окна. Ночью ей казалось, что уснуть не получится вовсе; теперь не могла вспомнить, в какой момент перестала слышать часы в коридоре. В комнате Саида за стеной тоже было тихо. Прислушиваться к нему по утрам она научилась так давно, что замечала это за собой, только когда тишина затягивалась.

Всё как прежде.

Она поднялась.

Умываясь, старалась не смотреть в зеркало дольше необходимого. Лицо за ночь стало спокойнее, хотя под глазами ещё держались тени. Самира убрала волосы, застегнула платье, переложила в сумку то немногое, что вчера привезла обратно. Делать это второй раз подряд было странно. Вчера ехала домой, сегодня снова уезжает. А в самой квартире Алекс провела меньше суток.

Там можно было никуда не торопиться с ответами.

В коридоре она тихо закрыла за собой дверь и замерла.

Саид стоял напротив, прислонившись плечом к стене. Уже одетый, с закатанными рукавами. В руке держал кристалл, но убрал его, как только увидел жену.

— Доброе утро, — сказала Самира.

— Доброе.

Он посмотрел на сумку.

Она почему-то сразу подумала: решил, что уже собралась уходить. Стало больно от того, что даже эта возможность не изменила его лица.

— Я к Алекс. Мы вчера договорились за ужином.

Саид оттолкнулся от стены.

— Помню.

Самира кивнула и направилась к лестнице. Он сделал шаг навстречу, преграждая дорогу, — быстрее, чем она ожидала. Она отшатнулась и ударилась спиной о ручку собственной двери.

Короткий вскрик вырвался сам.

Саид тут же оказался рядом.

Ладони легли ей на талию, оттянули от двери. Он наклонился, заглядывая в лицо, и Самира увидела в его глазах такой отчётливый испуг, что на мгновение забыла о боли.

— Ты ушиблась?

Она только смотрела на него.

— Самира.

— Не сильно.

Его руки оставались на ней. Тёплые, уверенные. Слишком близкое прикосновение для человека, с которым они пять лет учились обходить друг друга в коридоре.

Самира почувствовала, как чаще забилось сердце, и тут же устыдилась этого.

Ничему не научилась.

Стоило ему посмотреть иначе, подхватить, не дать упасть — и тело вспомнило всё, в чём она пыталась себе отказать. Как будто не было ни библиотеки, ни вчерашнего согласия, ни долгих лет после закрывшейся двери.

— Отпусти, пожалуйста.

Саид опустил руки.

Она отступила от него осторожно, на этот раз проверяя, что за спиной.

Муж заметил и нахмурился ещё сильнее.

— Не хочешь мне ничего сказать?

Самира сжала ремень сумки.

— Я вчера сказала…

— Я о том, почему ты уехала со свадьбы, не сказав мужу ни слова.

Несколько мгновений она не могла понять смысла.

Мужу.

Он произнёс это так просто, словно никогда не отказывался от самого слова. Словно они каждое утро прощались, вместе решали, куда поедут вечером, спрашивали друг у друга совета.

Самира медленно подняла голову.

— Мужу? Чьему? Сабины?

Саид замер.

Она не собиралась говорить этого. Думала ответить, что не хотела никому мешать, и пройти к лестнице. Сберечь хотя

бы сегодняшний день.

Но он стоял перед ней и смотрел так, будто обидели его.

— Ты сам сказал, что не станешь моим мужем, — продолжила Самира. — Помнишь? Я помню очень хорошо.

— Всё не так…

— А как?

Он не ответил сразу.

Ей страшно было задавать этот вопрос. Страшно слышать собственный голос, в котором вдруг оказалось больше обиды, чем она когда-либо позволяла показать. Отступать было уже некуда.

— Ты хотел, чтобы я не напоминала тебе о себе. Я старалась. Не искала разговоров, не задавала вопросов. Со временем даже перестала думать, что можно сказать тебе что-нибудь, кроме «ужин готов».

На последних словах дыхание дрогнуло.

Самира остановилась. Сглотнула, стараясь вернуть голос, пока он не превратился в плач.

Саид смотрел на неё.

Пожалуй, только сейчас — по-настоящему.

— Ты думаешь, мне не хотелось поговорить? Рассказать, что произошло тогда? Я столько раз начинала. Потом видела твоё лицо — и больше не могла.

Её ладонь болела от того, как крепко она сжимала ремень.

Саид перевёл взгляд на руку, но не протянул свою.

— Я не…

— Ты не хотел слушать.

В коридоре стало слышно, как внизу открылась дверь. Кто-то вышел в сад, за ним потянуло холодным утренним воздухом.

Самира отвела глаза.

Ей вдруг стало невыносимо стыдно за всё сказанное. Не потому, что оно было неправдой. Потому, что теперь муж знает, насколько сильно это имело значение. Она так долго старалась убедить хотя бы его в своём безразличии — и не смогла.

— А позавчера она вернулась, — произнесла Самира тише. — Теперь ей опять нужен ты. Я согласилась уйти. Почему тебе и этого мало?

Саид вдохнул.

На его лице мелькнуло что-то, чего она прежде не видела. Растерянность — слишком резкая, почти беспомощная, чтобы принять её за привычную злость.

— Ты правда решила…

— А что я должна была решить?

Снизу позвал Аэль.

Самира закрыла глаза на короткий миг.

Она не знала, чему больше благодарна: тому, что её позвали, или тому, что муж всё-таки перестал выглядеть совершенно равнодушным.

— Мне нужно идти.

Саид отошёл.

У поворота она задержалась, не решаясь оглянуться. Хотелось, чтобы он остановил. Хотелось, чтобы позволил уйти. От того, что оба желания оказались одинаково сильными, внутри всё сжалось до боли.

Он не позвал.

Самира спустилась по лестнице.

* * *

Зейн ждал у машины.

Сумка лежала у него под ногами. На костяшках пальцев темнели свежие ссадины; похоже, он успел позаниматься ещё до того, как проснулась большая часть дома.

Увидев Самиру, поднял сумку и открыл заднюю дверцу.

— Ты тоже едешь?

Зейн кивнул.

— До обеда.

Она села. Он устроился рядом, положив вещи у ног, и только после этого ответил на вопросительный взгляд:

— Рашид отпустил на несколько часов. На второе занятие вернусь.

Самира знала, насколько тяжёлыми стали тренировки. Братья редко жаловались, зато по вечерам долго не могли разогнуть пальцы, молчали за едой, засыпали с раскрытой книгой. И всё равно Зейн находил возможность уехать к сестре. Не каждый день, не на сколько захочется — но всякий раз, когда появлялось свободное время.

Иногда возвращался, почти ничего не рассказав о поезд-

ке.

Самира начинала понимать, что ему и не требовалось особенного повода. Просто увидеть Алекс дома, услышать ответ, посидеть рядом. Убедиться, что та остаётся в пределах досягаемости, даже если сама не считает нужным никому об этом сообщать.

Ан завёл машину.

Аэль сел впереди, проверил время. Не спросил Самиру, почему задержалась наверху. Только обернулся, убедился, что все устроились, и кивнул напарнику.

По дороге Зейн молчал.

Самира была благодарна и ему.

За воротами особняка город ещё досыпал: закрытые лавки, светлые полосы между ставнями, женщина с пустым ведром у водоразбора. У пекарни уже стояла небольшая очередь. Саид когда-то говорил, что открытие этой пекарни обрадовало Мансура сильнее очередного отчёта о восстановлении верхнего квартала.

Самира не сразу поняла, почему вспомнила именно это.

Наверное, потому, что муж умел разговаривать. Рассказывать, спорить, смеяться с товарищами. Она слишком хорошо это знала, чтобы дальше убеждать себя, что его молчание ничего не значит.

У моста Ан остановился, связался с теми, кто оставался на другой стороне. Зейн поднял голову. Самира смотрела на каменное ограждение, на влажный мох в швах.

Раньше ей казалось, что возвращаться к Алекс будет радостно.

Сейчас радость ещё не находила места. В груди всё ещё стояли слова, сказанные мужу. Хотелось забрать их обратно — и сохранить каждое.

Машина медленно тронулась.

Воздух на мгновение стал плотнее. Самира моргнула, почувствовала знакомый холод под кожей, а за следующим поворотом мир уже пах другим лесом.

* * *

Скар встретил их у кафе.

Рауф стоял у задней двери с рабочим, показывавшим что-то на повреждённом пороге. Они дождались, пока Ан с Аэлем примут смену, передали ключи, коротко объяснили, кто приходил утром.

— Здесь не наступай, — сказал Скар, заметив сумку в руках Зейна. — Вчера закрепили временно.

Зейн обошёл отмеченную доской ступень.

Самира пошла следом.

На лестнице стало легче дышать. Снизу доносился запах кофе, на стене лежал солнечный прямоугольник. Она уже знала, где на площадке скрипнет доска, как поворачивается ручка, какой свет будет в комнате, если Алекс оставила занавеску открытой.

Зейн достал ключ.

Из глубины квартиры послышались шаги. Алекс появи-

лась в дверях гостиной — в свободной рубашке, с листом бумаги в руке. Посмотрела на брата, на Самиру, затем на Аэля, который поднялся за ними.

— Теперь по расписанию гостей тоже будете приводить?

— Мы ненадолго, — ответил ангел.

Алекс посмотрела на его куртку, уже повешенную на знакомый крючок.

— Разумеется.

Зейн поставил сумку у стола. Начал доставать привезённое: хлеб, небольшой пакет с вещами, папку, которую Адам попросил передать сестре. Делал это так спокойно, что Самире стало неловко стоять у входа.

Алекс отступила от двери.

Этого оказалось достаточно, чтобы Самира прошла.

— Доброе утро, — сказала она.

Девушка коротко кивнула.

Ни удивления. Ни напоминания, что проводили её отсюда только вчера. Самира не могла понять, помнила ли Алекс вообще, какие обещания дают гостям, когда хотят просто вежливо с ними попрощаться.

Здесь всё звучало так, как было сказано.

Можно остаться — значит, можно.

Зейн убрал вещи в шкаф. Нашёл на полке чай, поставил воду. Не спрашивал сестру о здоровье, не рассматривал её с беспокойством. Но взгляд его то и дело возвращался к её рукам, к тому, как она двигалась, на что опиралась, доставая

папку.

Алекс передала ему край тяжёлой стопки.

— На верхнюю.

Он поставил.

Они почти не разговаривали. И всё же Самира чувствовала себя рядом с ними так, будто услышала больше, чем получилось бы из обычного обмена новостями.

Аэль спустился к Ану. Скар с Рауфом уехали.

Квартира постепенно наполнилась обыденными звуками: вода закипела, щёлкнула дверца шкафчика, Зейн отодвинул стул. На улице кто-то долго пытался припарковаться, раздражённо подавал сигнал.

Всё это почему-то помогало не плакать.

Самира села к столу.

* * *

Алекс разбирала документы.

Положила папку брата рядом со своей, выровняла края листов. Зейн собрал бумагу, в которую был завёрнут хлеб, и отнёс вниз: Ан попросил помочь передвинуть длинный стол, пока его не закрепили у стены. Самира услышала их голоса, потом короткий скрежет по полу. В квартире они с Алекс снова остались вдвоём.

Самира обхватила чашку.

Она приехала сюда, чтобы хоть немного перестать думать о муже. Теперь оказалось, что молчание слишком удобно для разговора о нём.

— Он назвал себя моим мужем, — сказала она.

Алекс подняла голову.

Не переспросила.

От этого стало возможно продолжить.

— Сегодня утром. Спросил, почему уехала со свадьбы, не сказав ему. Как будто я всё время… как будто между нами так и должно было быть.

Снизу донёсся голос Зейна и почти сразу стих. Слова, которых не оказалось перед Саидом, здесь снова находили дорогу.

— Мне стало так больно. Наверное, нужно было обрадоваться. Я ведь ждала этого. Думала, если когда-нибудь услышу, всё остальное уже не будет важно.

Губы дрогнули.

Она опустила лицо к чашке.

— А оказалось, важно.

Рядом перевернули лист. Алекс положила его на стол и больше не брала следующий.

Самира заговорила тише.

Рассказала про удар о дверь, про то, как Саид подхватил её, как испугался — или ей показалось, что испугался. На этом остановилась, не зная, как объяснить собственное смятение. Хотелось, чтобы от рассказа оно стало понятнее. Но слова не исправляли случившееся.

— Я не могу снова начать надеяться, — произнесла она. — У меня больше не получится пережить то же самое.

Алекс смотрела на неё.

Во взгляде не появилось обещания, что на этот раз обязательно повезёт. Не возникло жалости, из-за которой пришлось бы быстрее выпрямиться, перестать плакать, показать, что в целом она справляется.

Самира поставила чашку.

— Ты можешь ничего не говорить. Я просто… мне нужно было кому-то сказать.

Девушка чуть кивнула.

Самира потянулась за чашкой, но пить больше не хотелось. Отодвинула её, сложила ладони на коленях.

Потом они сидели молча.

Самира понемногу перестала слышать в каждом звуке продолжение собственного разговора с Саидом. Закрывала глаза, открывала. Смотрела, как свет медленно сдвигается по полу.

С усталостью больше не нужно было бороться.

Когда Алекс встала, Самира невольно выпрямилась.

Девушка принесла с дивана подушку, положила на свободный край. Вернулась к столу, взяла бумаги.

Самира некоторое время смотрела на подушку.

— Я только ненадолго, — сказала она, хотя её ни о чём не просили.

Пересела. Прилегла боком, оставив ноги на краю, так, чтобы не помять покрывало. Под щекой ткань пахла чистым бельём и чем-то ещё, незнакомым, уже связанным у неё с этой

квартирой.

Входная дверь тихо щёлкнула. Вернувшийся Зейн о чём-то негромко заговорил с сестрой. Самира уловила имя Адама, ответ Алекс, короткий скрип стула.

Она не поняла, когда перестала различать слова.

В памяти опять возникло окно.

Не это, высоко над улицей, — школьное, рядом с которым однажды сидела с раскрытой тетрадью. Свет на парте. Чужой локоть возле собственного. Саид смеётся кому-то через проход, ещё ничего не зная о том, как много будет значить для неё этот голос.

Самира закрыла глаза.

На этот раз уснуть получилось.

Глава 6: взгляд в прошлое

У дяди Халида в прихожей пахло яблоками.

Они лежали в деревянном ящике возле двери — жёлтые, с маленькими тёмными точками. Одно упало на пол. Самира заметила его, когда дядя помогал ей расстегнуть пальто, и долго не могла отвести глаза.

Мама всегда говорила, что яблоко нужно сразу поднять, пока кто-нибудь не наступил.

Самира стояла и ждала, что сейчас услышит её голос.

Халид снял с неё пальто, повесил на крючок. Потом сел на корточки, чтобы расшнуровать ботинки. Шнурок завязался тугим узлом. Дядя осторожно потянул его, нахмурился, достал из кармана маленький ключ и поддел кончиком петлю.

Отец тоже так делал.

Самира шагнула ближе и положила ладонь ему на плечо.

Халид замер.

Поднял голову, посмотрел на неё. В глазах у него было что-то, чего она не понимала. Взрослые последние дни часто смотрели так — долго, не говоря ни слова, потом отворачивались или начинали поправлять на ней одежду.

— Дядя, яблоко.

Он оглянулся.

— Вижу.

Поднял, положил в ящик отдельно от остальных.

— Вот здесь пусть полежит. Оно ударилось, надо первым съесть.

Самира кивнула. Об этом она тоже знала.

Из комнаты вышла женщина с ребёнком на руках. Тётя Надира. Самира раньше бывала у неё, но всегда вместе с родителями, ненадолго. Мама помогала накрывать стол, отец смеялся с Халидом, а потом они забирали её домой.

Сейчас Надира посмотрела на чемодан возле двери.

— Вещи пока поставь наверху.

Халид выпрямился.

— Я отнесу.

Женщина постояла ещё несколько секунд и ушла вглубь дома. Ребёнок у неё на плече повернул голову. У него были влажные ресницы и маленькая красная складка возле уха.

— Имран, — сказал Халид. — Помнишь?

Самира помнила только, что теперь нельзя громко разговаривать возле той комнаты, где он спит.

Дядя взял её чемодан. Другую руку протянул ей.

Она ухватилась за два пальца.

* * *

В комнате была чужая кровать.

Самира знала, что ей разрешили на ней спать. На подушку даже положили её ночную рубашку, которую кто-то привёз из дома. Но одеяло лежало не так, стена находилась с другой стороны, а на потолке не было маленького пятна, похожего на птицу.

Она легла на край и долго смотрела на дверь.

Халид заглянул перед тем, как уйти.

— Воды принести?

Самира покачала головой.

Он сел рядом и поправил одеяло. Ей захотелось попросить, чтобы не уходил. Но она уже несколько раз за день спрашивала, когда её заберут, и каждый раз взрослые начинали говорить тише.

— Я внизу, — сказал дядя. — Если понадоблюсь, позовёшь.

Она кивнула.

Он не выключил свет до конца. Оставил маленькую лампу возле двери, и это было почти правильно: мама тоже знала, что в незнакомом месте Самире страшно засыпать в темноте.

Только мама не пришла.

Когда дом затих, девочка осторожно спустила ноги на пол. Нашла тапочки, открыла дверь и пошла вниз.

Ступени поскрипывали. Приходилось останавливаться после каждой, чтобы никто не услышал.

Из гостиной падал свет. Самира прижалась к стене, увидела дядю в кресле и подождала, пока он опустит голову. Потом прошла мимо.

Дверь в сад поддалась не сразу. Она нажала обеими руками, вытолкнула её и вышла на крыльцо.

Снаружи было холодно.

Самира села на верхнюю ступеньку и поджала ноги под

ночную рубашку.

Отсюда была видна калитка.

Возможно, родители просто не знали, куда её привезли. Взрослые говорили, что они больше не вернутся, но ведь иногда люди опаздывали. Отец однажды не приехал к ужину, а потом постучал, держа большой свёрток, из которого торчали цветы для мамы.

Самира старалась вспомнить, сколько тогда ждала.

Она сидела, пока не озябли пальцы. Потом вытянула ноги и села прямо: если мама увидит, что она простудилась, расстроится.

За спиной тихо открылась дверь.

Халид не сразу заговорил. Накрыл её плечи пледом, сел рядом. Дерево под ним скрипнуло.

Самира посмотрела на калитку.

— Они не знают, что я здесь.

Дядя положил руки на колени.

— Самира…

— Мы можем оставить свет. Тогда они увидят дом.

Он долго молчал.

Она повернулась к нему, ожидая, что он встанет и включит свет над крыльцом.

Халид смотрел перед собой. У щеки двигалась мышца.

— Они не смогут прийти, — сказал он наконец.

Девочка перестала перебирать край пледа.

— Даже утром?

Он покачал головой.

Самира смотрела на него, стараясь понять, как можно знать такое заранее. Взрослые умели очень многое, но ведь они тоже ошибались.

Халид протянул руку. Она не пошла к нему, и он не стал притягивать её силой. Только поправил плед на её коленях.

Они просидели так долго.

Когда девочка начала клевать носом, дядя поднял её на руки. Самира положила голову ему на плечо и нащупала пальцами пуговицу рубашки. Крепко ухватилась, не открывая глаз.

В комнату он внёс её вместе с пледом.

* * *

После этого она ещё несколько раз выходила в сад.

Халид не ругал. Иногда садился рядом, иногда приносил носки и ждал в дверях. Днём он старался разговаривать с ней о простых вещах. Показывал, где хранится хлеб, как закрыть ставню, чтобы не хлопала от ветра. Однажды они вместе перебрали яблоки, и Самира нашла то самое, упавшее в прихожей.

На боку у него потемнело круглое пятно.

— Это уже нельзя? — спросила она.

— Можно. Вырежем.

Халид разрезал яблоко, убрал потемневшую часть и протянул ей половину.

Самира съела два кусочка. Больше не хотелось.

За столом Надира попросила её не крошить. Девочка тут же собрала крошки ладонью. Халид ничего не сказал, только подвинул тарелку ближе к ней.

Сабина в тот день принесла ленту для волос. Положила возле Самиры и предупредила:

— Только не потеряй. Она хорошая.

Лента была красной. Самира держала её в ладони и не знала, нужно ли отдавать обратно перед сном.

К вечеру она устала от вопросов, на которые не могла ответить, и от того, что всё время делала что-нибудь не так. Ушла в свою комнату раньше остальных, свернулась на кровати и притворилась спящей, когда Халид заглянул.

В сад той ночью всё равно вышла.

Но долго не просидела.

Впервые за все дни она заплакала. Тихо, сердито, вытирая глаза пледом. Калитка не открывалась. Никто не шёл по дорожке. Улица за оградой давно опустела.

Самира хотела домой.

Она сама поднялась со ступеньки и вернулась в дом. По дороге к лестнице услышала плач.

Остановилась.

В комнате Имрана горел свет. Надира ходила с ним на руках, что-то негромко приговаривая. Самира спряталась за выступ стены и ждала. Ей не хотелось объяснять, почему опять не спит.

Через некоторое время плач стих. Тётя уложила сына, по-

стояла возле кроватки и вышла.

Девочка подождала, пока шаги затихнут.

Потом подошла к открытой двери.

Имран лежал на боку, прижав щёку к простыне. Одна рука застряла между прутьями кроватки. Самира осторожно коснулась его пальцев, собираясь поправить.

Он открыл глаза.

Она замерла.

Только бы опять не заплакал.

Но Имран потянул её руку к себе и крепко сжал указательный палец. Посмотрел так внимательно, что Самира невольно наклонилась ближе.

У него на щеке отпечаталась складка простыни.

— Тише, — прошептала она. — Не плачь.

Он не плакал.

Лежал, не отпуская её, и медленно перебирал пальцами её палец. Самира опустилась на пол, просунула вторую руку между прутьями, поправляя край одеяла.

— Я здесь, — сказала она ещё тише.

Утром Халид нашёл её возле кроватки. Голова лежала на согнутой руке, ноги поджались под стул. Имран уже сидел и тянулся к её волосам.

Дядя осторожно поднял Самиру. Она проснулась и сразу попыталась вывернуться.

— Он один останется.

Халид посмотрел на сына.

— Тогда обоих возьмём.

После завтрака они вынесли во двор плед. Расстелили под яблоней. Имран пополз к упавшему листу, Самира поймала его за живот и усадила обратно.

Он возмутился так громко, что она рассмеялась.

Халид стоял у окна.

Когда Самира подняла голову, он быстро отвернулся, потёр глаза и пошёл к двери. Девочка не поняла почему. Только подвинулась, освобождая ему место на пледе.

* * *

Впервые она назвала его папой, когда никак не могла застегнуть сандалию.

Сидела на нижней ступеньке, сердито ковыряла ремешок, а Халид присел рядом и забрал у неё упрямую пряжку. Слово выскочило само — лёгкое, привычное. Самира даже не сразу поняла, почему дядя замер.

Надира, проходившая мимо, резко поставила чашку на подоконник.

— У тебя был отец. Не путай.

Девочка опустила голову. Посмотрела на застёгнутую сандалию и отодвинула ногу: теперь, наверное, следовало встать и сказать что-нибудь правильное. Только что — она не знала.

Вечером Халид заглянул к ней перед сном. Посидел на краю кровати, поправил подушку, которая и так лежала ровно.

— Ты ничего не перепутала, — сказал он.

Самира не шевельнулась.

— Здесь можешь звать меня так, как тебе хочется.

Она долго смотрела на него. Потом осторожно взялась за рукав, пока он ещё не успел подняться.

— Папа.

Он накрыл её пальцы ладонью.

— Я здесь.

Больше она ничего не спросила. Лежала, не отпуская его, пока глаза не закрылись сами.

Глава 7: до обещаний

В двенадцать лет Самира могла пройти от школы до дома, ни разу не задумавшись, куда сворачивать.

Лиарен встречал её запахом нагретого камня, выпечки и воды из городского канала. У нижнего моста торговали тканями. Самира знала лавку, в которой разрешали долго разглядывать книги, не спрашивая, собирается ли она что-нибудь покупать, и маленький двор, где каждый год раньше всех зацветало дерево.

Дома её ждал Имран. Теперь он был достаточно большим, чтобы сердиться, когда она поправляла ему воротник при друзьях, и достаточно маленьким, чтобы по вечерам приходить с одеялом и укладываться у неё в ногах.

Сабина училась в старших классах и считала, что Самира слишком много времени проводит с книгами.

— Ты так всё интересное пропустишь, — говорила она.

Самира не спорила. Ей казалось, что самое интересное обычно как раз начиналось, когда наконец оставляли в покое.

В школе рассказывали о перевороте, о разрушенных северных кварталах, о прежнем королевском доме. До Арвейна можно было ехать много часов; большинство одноклассниц Самиры никогда там не бывали. Здесь мостовую чинили до того, как камни успевали провалиться, и слова о разру-

шении не складывались ни в одну знакомую улицу.

По дороге в школу Самира любила задерживаться у городской карты. Большая мозаика занимала стену возле ратуши; одни каменные пластинки блестели после дождя, другие давно потускнели. Лиарен на ней был маленьким светлым пятном. Арвейн обозначался короной, от которой отломился один зубец.

— Когда-нибудь съездим, — обещал Халид.

Он держал её школьную сумку. Имран тянулся к нижнему краю мозаики, разглядывая корабль возле самого большого озера; Сабина стояла поодаль и делала вид, что уже слишком взрослая, чтобы слушать такие разговоры.

— А там правда всё разрушено? — спрашивала Самира.

— Не всё. Мир большой. Где-то хуже, где-то лучше. Люди всё равно живут.

— А кто чинит?

Халид долго смотрел на карту.

— Те, кому не всё равно.

Самира коснулась сломанного зубца короны. Арвейн пока оставался местом на стене, куда они когда-нибудь поедут все вместе.

* * *

К карте они пришли не сразу.

Халид обещал забрать детей после занятий и задержался у мастерской: нужно было заплатить за починку садового насоса. Самира ждала на низкой стене. Имран успел трижды

спросить, скоро ли, один раз залезть на дерево и испачкать рукав. Сабина стояла поодаль с подругой, недовольная тем, что младших опять поручили ей.

У окна ратуши меняли объявление. Рабочий снял старый лист, под ним обнаружился ещё один, выгоревший, с названием северного города. Самира прочитала только первые строчки. О разыскиваемых родственниках. О том, куда приносить сведения.

— Почему его не уберут? — спросил Имран.

Она не знала.

Когда пришёл Халид, мальчик показал на бумагу. Отец долго смотрел на неё, потом взял сына за руку.

— Может, кто-нибудь ещё ждёт.

По дороге купили хлеб. У торговца была новая вывеска, и он с такой гордостью протёр её краем фартука, что Самира задержалась. Тот заметил и спросил, правильно ли написано.

Она прочитала вслух.

— А я сам не умею, — признался мужчина. — Сын заказывал. Сказал, теперь нужно красиво.

Халид подождал, пока она закончит. Не поторопил из-за Сабининого вздоха. Самира пошла рядом, всё ещё думая о человеке, которому собственное имя на новой доске казалось большим событием.

— Он ведь давно здесь торгует, — сказала она.

— Давно.

— И только сейчас вывеску повесил?

— Значит, сейчас смог.

Имран тянул отца к каналу. Хотел проверить, отпустили ли воду после чистки. Сабина попросила отпустить её вперёд; Халид согласился, напомнил не опаздывать к ужину. Самира осталась с ним и братом.

Солнце освещало половину площади. На другой стороне возле старой стены женщина укладывала в корзину цветы, которые никто не купил. Халид взял маленький пучок, отдал Самире.

— Зачем?

— Поставишь у себя.

Она сразу посмотрела, не нужно ли подарить Надире. Отец заметил.

— Это тебе.

Девочка держала цветы слишком осторожно. Не ожидала получить что-нибудь без праздника, без хорошей отметки, без причины, которую сумела бы назвать. Халид уже спрашивал Имрана о школе. Для него случившееся явно не требовало объяснений.

Самира шла, прижимая к себе хлеб и цветы. В тот день на городской карте впервые заметила маленький знак у северного берега: почти стёртый домик, стоявший там, где прежде видела только пятно серого камня.

Мир оказывался больше знакомой дороги. В нём кому-то не хватало вывески, кто-то всё ещё искал родных, а кто-то просто умел подарить дочери цветы и не считать это важным

поступком.

* * *

В тот день учительница Самиры заболела, и их занятия перенесли в большую комнату рядом с библиотекой. Выпускников попросили помочь с заданиями: до конца недели нужно было подготовить общую выставку, а свободных рук не хватало.

Самира заняла место у окна. Изнутри оно плохо закрывалось, и рама чуть дребезжала, когда во дворе кричали мальчишки.

Она разложила перед собой листы.

Саид пришёл вместе с остальными старшими.

Она знала его давно — вернее, знала, кто он. Высокий светловолосый парень, которого часто звали, если нужно было что-нибудь починить, донести или объяснить. Он был старше на пять лет и общался с людьми так легко, что Самире иногда становилось неловко просто смотреть.

Сейчас он остановился возле её стола.

— Здесь свободно?

Она кивнула.

Саид посмотрел на пустой лист.

— С чего начинаем?

Самира подвинула ему задание. Голос почему-то не сразу нашёлся.

Он сел на свободный стул, повернул лист к свету и начал объяснять, как распределить рисунок. Соседние девочки тут

же придвинулись ближе. Самира слушала, не поднимая головы, и старалась не задевать его локоть.

Потом он заговорил с кем-то через проход. Она отвернулась к окну.

Во дворе играли в мяч. Один мальчик побежал слишком близко к стене, другой крикнул ему что-то вслед. Самира видела движение, но не успела понять.

Саид схватил её за плечи.

Стул резко поехал по полу. Она ударилась боком о край стола, и в тот же миг за спиной оглушительно лопнуло стекло.

Кто-то закричал.

Самира сидела на полу, прижав руки к груди. Саид заслонял её согнутой спиной; на тёмном рукаве белели крошечные осколки.

— Не двигайся.

Она не собиралась. Не могла.

Сердце билось так быстро, что каждый вдох получался коротким и пустым.

— Самира. Посмотри на меня.

Она подняла голову.

Он убрал прядь волос с её лица, проверяя, не попало ли стекло, и поднёс ладонь к её щеке, но не коснулся.

— Глаза не трогай. Хорошо?

Она кивнула.

В комнату прибежала учительница. Кто-то поднимал сту-

лья, кто-то выводил плачущую девочку. Самира продолжала смотреть на светлую пыль на рукаве Саида.

Он осторожно стряхнул стекло в сторону.

— Ты цела?

Она снова кивнула.

— Словами можешь?

— Да.

Он выдохнул и улыбнулся.

— Вот и хорошо, маленькая мечтательница.

Учительница присела рядом, спросила, где болит, ощупала руки. Саид поднялся только после того, как убедился, что Самира тоже может встать.

У него на запястье выступила тонкая полоска крови.

— Ты порезался, — прошептала она.

Он посмотрел, взял предложенный платок.

— Совсем немного.

Ему ещё что-то говорили, просили помочь открыть соседнюю дверь. Он ответил, обернулся к Самире, напомнил не наступать на стекло и ушёл.

Она стояла, прижимая к себе собранные листы.

Никакого рисунка в тот день закончить не удалось.

* * *

Халид заметил синяк раньше, чем она успела снять школьную одежду.

— Покажи.

Самира приподняла край рукава. Он осмотрел плечо, на-

хмурился, спросил, не кружится ли голова. Пришлось рассказывать всё сначала.

Имран стоял рядом, сердито хмурясь.

— Кто мяч бросил?

— Уже разобрались.

— Я просто спрашиваю.

Халид положил ладонь сыну на макушку и отодвинул от сестры.

— Дай ей пройти. И принеси воды.

Имран ушёл, продолжая оглядываться.

Самира села на край дивана. Дядя принёс холодное полотенце, устроил у неё на плече.

— Он тоже порезался, — вспомнила она. — Саид. Об осколки.

Халид посмотрел на неё и кивнул.

— Если встречу, поблагодарю. А руку ему обработали, не волнуйся. В школе за этим следят.

Она хотела ответить что-нибудь ещё, но из кухни позвали дядю. Он поднялся, поправил полотенце и ушёл.

Самира осталась на диване.

Из окна был виден сад. Под яблоней стоял стол; на нём лежали Имрановы тетради и её книга, которую она не дочитала утром.

Обычно она сразу пошла бы за ней.

Теперь прислушивалась к улице.

Когда за калиткой раздались шаги, Самира подняла голо-

ву раньше, чем успела вспомнить, кого ждёт.

* * *

На следующий день идти в школу не хотелось.

Самира сказала, что плечо почти прошло, и уже взялась за сумку, когда Халид попросил показать. Осмотрел синяк, убрал ткань обратно. На кухне Надира собирала завтрак Имрану; услышав, что они задерживаются, велела не делать из пустяка беду.

Отец посмотрел на девочку.

— Голова не болит?

Она покачала головой.

— Тогда пойдём. Если станет плохо, сразу скажешь учительнице. Не жди, пока закончат все остальные.

Самира кивнула.

Он понёс её сумку, хотя она уверяла, что может сама. У школы остановился, посмотрел на заменённое стекло. Рама ещё пахла свежей замазкой.

Саид стоял возле входа со старшими ребятами.

Халид подошёл к нему. Самира осталась на несколько шагов позади, видела только, как юноша перестал смеяться, выслушал отца и быстро покачал головой, будто благодарить не стоило. На руке у него белела узкая перевязка.

— Всё равно спасибо, — сказал Халид достаточно громко, чтобы она услышала.

Потом позвал дочь.

Саид посмотрел на неё и улыбнулся.

— Доброе утро, мечтательница. Сегодня садись подальше от окна.

В классе уже смеялись и переставляли столы. Никто не ожидал от Самиры особенных слов. Она положила тетради, достала вчерашние листы и увидела, что один помят так сильно, что рисунок почти не различим.

Отчего-то именно это стало обидно до слёз.

Учительница заметила, предложила начать заново. Самира согласилась слишком быстро, сложила испорченное пополам и весь урок старалась не смотреть на залом посередине.

После занятий вернулся Саид.

Ему нужно было закончить подписи для выставки. Он положил возле неё несколько новых листов, спросил, сохранила ли образец. Самира достала сложенную бумагу.

— Этот?

Она кивнула, готовясь услышать, что теперь ничего не получится.

Саид расправил лист. Прижал края книгами. Подождал, пока она найдёт карандаш.

— Здесь можно перенести. У тебя же берег уже нарисован.

Он не делал всё вместо неё. Только показывал, откуда начать, а потом продолжал собственную работу. Иногда кто-то подходил спросить о другом задании. Саид отвечал, смеялся, возвращался к надписям. Самира слушала, понемногу переставая думать о вчерашнем грохоте.

Дома рисунок поставили у стены сушиться.

Имран принялся разглядывать корабль и сразу нашёл, что улучшить. Халид пресёк его помощь, прежде чем тот успел дорисовать ещё одну мачту.

— Это работа сестры.

— Я хотел, чтобы лучше.

— Спроси, нужна ли ей помощь.

Мальчик повернулся к Самире. Пришлось ответить, хотя обычно она предпочла бы уступить.

— Не нужна.

Имран обиделся. Минут на пять. Потом пришёл с яблоком и сел рядом, уже не пытаясь трогать карандаши.

Вечером Надира заговорила об учёбе. Соседская дочь поступала на медицинский факультет, и вся улица считала это большой удачей.

— Тоже будешь лечить людей, — сказала она Самире. — Хорошая профессия. Всегда пригодится.

Девочка посмотрела на перевязанную Саидову руку в памяти и сразу отвела глаза. Не могла даже думать о крови, не чувствуя неприятной пустоты под рёбрами.

Халид отложил ложку.

— Она ещё выберет.

— Я о полезном говорю.

— Я тоже.

Никто не повысил голоса. Разговор перешёл на другое. Самира запомнила его почему-то отчётливее, чем многие

большие обещания: однажды за столом нашёлся человек, который счёл её незнание будущего достаточной причиной не решать за неё.

Перед сном она поставила цветы возле рисунка.

На полу лежал упавший лепесток. Самира подняла его, спрятала между страницами книги и долго потом проверяла, не потерялся ли.

Глава 8: трое под дождем

Собака выскочила из-за куста так внезапно, что Самира не успела увидеть поводок.

Она ждала Имрана возле дорожки в старом парке. Брат задерживался на тренировке, фонари только начинали разгораться, и ей уже хотелось уйти к воротам, поближе к людям.

Раздался лай.

Самира отшатнулась, зацепилась каблуком за край дорожки и столкнулась с чьей-то грудью.

Её удержали за плечи.

— Тише, маленькая. Она тебя не укусит.

Не сразу удалось разжать пальцы. Голос показался знакомым раньше, чем она подняла голову.

Саид.

У него изменилось лицо. Стало взрослее; вдоль скулы темнела короткая щетина. Улыбка осталась прежней.

— Ты в порядке?

Самира кивнула. Потом увидела собаку, которую хозяйка уже отводила в сторону, и почувствовала себя ещё глупее.

— Ты кто такой?

Имран прибежал, даже не успев перекинуть сумку через плечо. Увидев сестру в чужих руках, он нахмурился с такой решимостью, что Саид едва удержал улыбку.

— Это мой брат, — поспешно сказала Самира.

— Брат, который хочет знать, зачем ты её трогаешь.

Имрану было тринадцать. Он уже знал, что иногда достаточно встать перед человеком, чтобы тому стало труднее причинить боль.

— Он мне помог, — объяснила Самира. — Там была собака.

Саид отпустил её и протянул мальчику руку.

— Хорошо, что защищаешь.

Имран пожал ладонь не сразу.

— Спасибо.

Они ещё немного поговорили. О тренировке, о том, где безопаснее ждать друг друга по вечерам. Самира слушала вполуха. В голове осталась одна обидная мысль: он её не узнал.

— Саид? — вырвалось наконец.

Он повернулся к ней.

— Мы знакомы?

Улыбаться оказалось трудно, но она всё-таки улыбнулась.

— Учились в одной школе. Ты однажды… когда мяч попал в окно.

Саид внимательно посмотрел на неё.

— Маленькая мечтательница?

Имран скривился.

— Там был второй этаж. Вообще-то никто не ждёт мяча в окне второго этажа.

Саид рассмеялся. Самира тоже попыталась.

По дороге домой она попросила брата:

— Не говори папе, что он меня не помнит.

Имран зло пнул камешек и кивнул.

Через неделю Саид снова появился у парковой дорожки.

— Я уж думал, ты больше не придёшь.

Самира подняла голову.

— Ты ждал?

— Здесь мой зал. И я решил проверить, не требуется ли кому-нибудь защита от собак.

— Не требуется.

— Жаль. Я уже начал считать это своей обязанностью.

Она засмеялась. Сама не заметила, как прошла боль от прежней встречи.

С тех пор они часто встречались втроём. Иногда шли в маленькое кафе у площади, иногда просто бродили до поворота к дому Халида. Имран сначала ревниво вклинивался между ними, потом привык, а ещё позже начал спрашивать у Саида то, о чём не хотел советоваться с отцом.

Самира носила в сумке запасную бутылку воды и делала вид, что она каждый раз оказывалась там случайно.

Саид принимал её с торжественной благодарностью.

— Как удачно, что ты взяла две.

— Я могу забрать.

— Нет. Я уже привязался к ней.

В эти вечера будущее не требовало определённости. Саид

учился, Имран собирался стать сильнее всех мальчишек своего возраста, Самира готовилась к выпускным экзаменам. У неё был человек, рядом с которым мир становился просторнее, и она не спешила выяснять, одинаково ли они называют то, что между ними происходит.

Однажды они так и не дошли до кафе: начался дождь.

Укрылись под узким козырьком закрытой лавки, плечом к плечу. Имран возмущался тем, что хозяин убрал скамью. Саид спорил, что скамью унесли бы раньше него. Самира слушала их, прижимая к груди тетради, и пыталась не улыбаться слишком часто.

— Ты тоже с ним согласна? — спросил Имран.

— Я ещё ничего не сказала.

— Лицо сказало.

Саид снял куртку и накинул на её тетради.

— Не двигайся. Иначе у тебя завтра будут не конспекты, а воспоминания.

— Ты промокнешь.

— Уже.

Имран посмотрел на них так внимательно, что Самира отвернулась к дождю.

Разговаривали о том, кем станут. Имран собирался заниматься чем-нибудь важным и опасным, потому что все неопасные дела казались ему недостаточно серьёзными. Саид сказал, что важные дела иногда выглядят скучно — и именно поэтому их некому делать.

— Например? — спросила Самира.

— Прийти, когда обещал.

— Это трудно?

Он пожал плечом.

— Не всем. Но почему-то не у всех получается.

Она запомнила и это.

Позднее часто возвращалась мыслями к тому вечеру, пытаясь понять, в какой момент перестала ждать выполнения именно такого, самого простого обещания. Тогда же всё казалось надёжным: мокрая куртка поверх тетрадей, брат рядом, голос Саида под шумом воды.

Дождь кончился почти сразу, как только они решили идти под ним. Имран назвал это издевательством и первым выскочил на дорожку.

Самира потянулась вернуть куртку. Саид придержал её за край.

— Подожди. Ты замёрзла.

Она хотела сказать, что нет, но зубы предательски стукнули.

Он улыбнулся.

Самире понадобилось несколько дней, чтобы перестать искать в этой улыбке больше того, что он собирался ей дать.

Ближе к выпускным они встречались реже.

Самира уходила из школы с книгами, которые не помещались в сумку, и заранее знала: если свернуть к парку, потом придётся заниматься до ночи. Шла домой короткой дорогой.

У канала всё равно замедлялась, прислушиваясь, не позовёт ли знакомый голос.

Однажды позвали.

Саид стоял возле лавки, придерживая под мышкой длинный свёрток. Имран сидел на ограде и объяснял ему, что сестра наверняка уйдёт другой улицей.

— Не угадал, — сказал Саид.

Мальчик повернулся так резко, что едва не соскользнул.

Самира сразу подхватила его за рукав. Он возмутился, но руку высвободил только после того, как устойчиво сел.

— Ты теперь и на улице учишься? — спросил Саид, глядя на книги.

— Несу домой.

— Вижу. Что из этого читать?

Она показала верхнюю. Он взял, раскрыл на середине, удивлённо присвистнул.

— Мне когда-то тоже говорили, что это необходимо для взрослой жизни. До сих пор жду, когда пригодится.

— Ты ничего не понимаешь, — сообщил Имран с готовностью поддержать любую сторону, позволяющую поспорить. — Если не выучишь, никогда не узнаешь, когда пригодилось бы.

Саид посмотрел на него и засмеялся.

Они дошли до тихого двора возле библиотеки. Свёрток оказался чертежами: Саиду задали рассчитать нагрузку на перекрытие. Самира разложила свои книги рядом. Имран

быстро заскучал, отправился искать воду и вернулся с тремя стаканами, один из которых протекал.

Отдали его Саиду.

Тот не стал возражать. Поставил на сложенный лист, и через несколько минут в основании будущей башни расплылось тёмное пятно. Самира смотрела с ужасом, пока он не повернул чертёж к ней.

— Теперь знаю, где будет водоём.

Она расхохоталась слишком громко для библиотечного двора. Дежурная выглянула в окно. Саид поднял ладони, беря вину на себя, а потом пришлось перебраться на скамью дальше от стены.

За тот вечер Самира выучила меньше, чем собиралась. Зато впервые не сердилась на потерянное время.

Позднее, когда она долго не могла вспомнить нужный ответ на экзамене, перед глазами почему-то возникал стакан на чертеже. Это ничем не помогало. Но на короткое мгновение страх становился меньше, а значит, снова можно было подумать.

* * *

Имран заметил её раньше, чем она была готова признать.

Они возвращались домой вдвоём; Саид свернул к своему дому, на прощание попросив пожелать удачи сестре на завтрашней работе. Самира шла молча, удерживая улыбку так старательно, что брат сердито спросил, не больно ли лицу.

— Не говори глупостей.

— Я вижу.

Она остановилась.

Имран тоже. В его глазах была такая серьёзность, что отшутиться не получилось.

— Ты ему скажешь?

Самира отвела взгляд к воде.

Легко было воображать, как однажды Саид сам поймёт. Найдёт нужные слова, посмотрит иначе, оставит руку на её плече чуть дольше. Сказать первой означало допустить возможность ответа, который всё это отнимет.

— Нечего говорить.

Брат не поверил.

Он бросил в канал маленький сухой лист. Тот застрял возле камня, потом всё-таки выплыл и пошёл дальше, вращаясь на поверхности.

— Я не хочу, чтобы тебе было плохо, — произнёс Имран.

Самира повернулась к нему.

В такие минуты его возраст вдруг становился непонятным. Ещё утром мог ссориться из-за последнего куска пирога, а теперь стоял рядом, пытаясь решить то, чего не умел решить никто старше.

Она обняла его за плечи.

— Не будет.

Ей хотелось верить. Имран подержал её руку, затем высвободился, старательно проверяя, не видно ли это с улицы.

Дома Халид сидел под яблоней. Позвал их к себе, спро-

сил, что задержались. Имран ответил за обоих: библиотека.

Это было правдой.

Самира села рядом с отцом. Положила книги на стол, взяла кусок яблока. В доме пахло ужином, из кухни доносился голос Сабины, рассказывавшей кому-то о новой ткани.

Пока всё ещё было на месте.

Пока однажды он не пришёл с Сабиной.

* * *

— Прости, — прошептал Имран, обняв её при встрече.

Она ещё не поняла за что.

Саид появился через минуту, счастливый, как никогда. За его плечом мелькнула светлая ткань платья.

— Сегодня лучший день в моей жизни.

Самира улыбнулась ему в ответ. Это получилось само собой.

— Почему?

— Та, кого я люблю, согласилась выйти за меня.

Он отступил, и она увидела сестру.

Не сразу удалось разобрать звук собственного дыхания. Всё вокруг осталось на месте: Имран рядом, скамья у ограды, продавец орехов через дорогу. Только Самира вдруг не знала, куда поставить ногу, чтобы не упасть.

— Сабина?

— Вы знакомы? — удивился Саид.

Сестра подошла и обняла её.

— Я думала, просто совпали имена. Ты ведь рада за меня?

Шёпот возле самого уха был ласковым. От знакомого запаха духов стало дурно.

— Это наша старшая сестра, — ответил Имран за неё.

Самира вцепилась ему в руку. Не говори. Ничего не говори.

Сабина отошла к Саиду и подняла ладонь с кольцом. Тот продолжал рассказывать, как завтра придёт с родителями к Халиду.

Самира слушала. Кивала. Даже нашла в себе силы улыбнуться ещё раз.

Лишь дома, над раковиной в ванной, её вырвало.

Вечером она сидела у открытого окна и не могла заставить себя отойти от него. Хотелось, чтобы внутри наконец сделалось так же пусто, как снаружи, за тёмной решёткой.

Потом в коридоре скрипнула половица.

Имран сел по другую сторону двери. Он не стал просить впустить его. Просто остался там, и спустя долгое время Самира отошла от окна, опустилась на пол напротив брата.

Между ними была дверь, но впервые за вечер ей стало чуть легче дышать.

На следующий день родители Саида приехали договариваться о свадьбе.

Халид узнал о чувствах Самиры слишком поздно. Она слышала, как он осторожно говорил гостям, что ему нужно время, как спрашивал о решении дочери, не называя которой из двух. Сабина отвечала уверенно. Надира сияла.

Позднее Самира сама пришла к нему под яблоню.

— Папа, ты ведь разрешишь мне остаться с тобой навсегда?

Он обнял её одной рукой. С другой стороны сразу устроился Имран.

— Я буду только счастлив.

— Тогда зачем все так волнуются?

Ей удалось улыбнуться. Халид не улыбнулся в ответ.

— А ты как, дочка?

— Это была детская влюблённость. Всё прошло.

От произнесённой лжи пересохло горло.

Халид погладил её по волосам.

— Тебе не нужно становиться счастливой к определённому часу. Побудь пока просто со мной.

Самира прижалась к нему щекой. Позволила себе на несколько минут перестать доказывать, что справилась.

Позже она перенесла дополнительные занятия. Перестала ждать Имрана у парка, просила его приходить прямо домой. Саид спрашивал о ней; брат отвечал, что скоро экзамены.

Это было правдой. Не всей.

Она училась так много, что по ночам у неё болели глаза. Надира выбрала для неё медицинский факультет: хорошая профессия, полезная семье. Самира боялась крови, но спорить не стала. Пока нужно было сдавать экзамены, можно было не думать о свадьбе.

* * *

В последний вечер он чинил стул.

Самира готовилась к зачёту за садовым столом. В тетради всё время получалось, что больной здоров, и она уже начинала сердиться на условие задачи. Халид перевернул старый стул, зажал коленями, проверяя расшатавшуюся перекладину.

— Подай, дочка.

Она протянула отвёртку, хотя он просил клей.

Отец посмотрел на инструмент, потом на раскрытую тетрадь.

— Тяжёлый случай?

— Очень. Пациент не хочет болеть правильно.

— Хороший пациент.

Она улыбнулась.

Халид прижал ладонь к боку. Самира заметила, собралась спросить, но он уже выпрямился, попросил воды. Стакан оказался тёплым от солнца. Она хотела заменить, отец остановил.

— И себе налей. Сидишь целый день над этой тетрадью.

Имран прибежал с разорванным карманом. Пока Надира сердилась из кухонного окна, мальчик выложил на стол свои находки: гладкий камень, кусок проволоки, медную пуговицу.

— Это зачем? — спросила Самира.

— Пригодится.

Халид взял пуговицу, показал на куртку у двери. Родная

потерялась ещё зимой.

— Вот и пригодилась.

Самира нашла нитку. Имран сел рядом смотреть, как пришивает его добычу. Пуговица была чуть светлее остальных; она предложила переставить все.

— Не надо, — сказал Халид. — Мне так нравится.

Ужинали на кухне. Сабина торопилась к подруге, Надира говорила о будущей свадьбе, о Саиде, о людях, которые обещали помочь с приготовлениями. Самира нарезала хлеб ровно. Уже научилась почти не замирать на его имени, если рядом не было Имрана, знавшего, куда смотреть.

Перед сном Халид попросил её зайти.

На столе лежали закрытые папки. Одну он поискал, не нашёл и отодвинул всё к стене.

— Утром посмотрю. Напомни.

Самира кивнула.

Думала спросить об учёбе. Если ничего не получится, можно ли вернуться? Можно ли вообще захотеть другую профессию, когда эту выбрали так уверенно и все уже привыкли, что она станет врачом?

Но отец устал. Завтра они успеют поговорить.

— Ты что-то хотела? — спросил он, заметив, что не уходит.

— Уже забыла.

Он похлопал по краю постели. Самира присела. Халид убрал с её щеки нитку — наверняка от Имрановой пуговицы

— и подержал между пальцами так внимательно, как держал когда-то узел на её детских шнурках.

— Иди. Не выспишься.

Она поцеловала его в щёку.

— Спокойной ночи, папа.

Последние слова получились обыкновенными. Даже торопливыми: за стеной Имран снова потерял какую-то важную вещь. Самира уже думала о нём, выходя из комнаты.

Утром разбудил крик.

Потом она не могла вспомнить, как оказалась в коридоре без тапочек. Почему возле двери стоял опрокинутый стакан. Кто велел подождать, пока врач закончит.

Она не подождала.

Увидела руку поверх одеяла. Маленькую царапину возле большого пальца: вчера задел занозу. Эту царапину помнила лучше лица незнакомого человека, который теперь осторожно говорил ей что-то невозможное.

Нужно было позвать ещё кого-нибудь.

Пока на улице светало. Пока стакан не подняли. Пока всё случившееся не успело стать окончательным.

Имран нашёл её у шкафа. Сел рядом, прижался лбом к плечу. Самира держала его обеими руками и впервые не знала, что обещать.

Отец не посмотрел папки. Не надел куртку с новой пуговицей.

На садовом столе осталась её тетрадь, раскрытая на болез-

ни, от которой люди иногда выздоравливали.

После похорон Надира позвала Самиру к себе.

— Квартиру нашли. Два месяца уже оплачены. Дальше придётся самой.

— Я думала…

— Ты сама хотела учиться. Мы не можем содержать тебя вечно.

В комнате пахло лекарством, которое последние дни давали Халиду. Самира смотрела на запечатанный флакон и никак не могла сообразить, почему он остался здесь, если папы уже нет.

Через два дня она уехала.

Имран нёс её сумку до самой посадки. Он думал, что сестра ненадолго: сдаст зачёты, привыкнет к новому городу, вернётся на каникулы.

Она не стала говорить ему, что возвращаться ей больше некуда.

Глава 9: чужая свадьба

В книжном магазине звонок над дверью был привязан к косяку красной ниткой.

Зимой нить потемнела от сырости. Весной Самира заменила её новой, а потом долго сидела за прилавком, удивляясь, что в её жизни уже появились вещи, за которыми следовало присматривать ей самой.

Утром она училась. После занятий бежала в магазин. Вечером пересчитывала деньги на проезд, хлеб и очередной учебник, который нельзя было взять в библиотеке надолго.

На стене в её комнате висело расписание. Свободных клеток почти не оставалось. Особенно тщательно она заполняла выходные.

Хозяйка магазина держала кассу не у входа, а в глубине, возле стеллажа с книгами для детей. Объясняла это тем, что испуганный покупатель должен успеть освоиться прежде, чем его спросят, что нужно.

Самире нравилась эта причина.

В первый месяц она вздрагивала от звонка над дверью. Боялась не найти нужный том, неверно посчитать сдачу, остаться одна перед сердитым человеком. Потом научилась узнавать постоянных посетителей по шагам. Одному всегда требовался совет, другой не терпел, когда к нему подходили, третья женщина приходила только затем, чтобы несколько

минут постоять в тепле среди книг.

Самира оставляла её в покое.

На собственные первые деньги купила не платье и не украшение, а плотную тетрадь. Записывала расходы ровными колонками, к каждой сумме приписывала причину. Если всё сходилось, становилось спокойнее: хотя бы в одной небольшой части жизни можно было увидеть, откуда что взялось.

Однажды хозяйка попросила заказать новую партию книг.

— Я могу ошибиться, — предупредила Самира.

— Поэтому сначала покажешь мне.

Никто не рассердился на её осторожность. Никто не сказал, что в её возрасте это уже следует уметь. Вечером она шла домой с такой необъяснимой лёгкостью, что свернула на длинную дорогу через площадь.

В витрине мастерской висело светлое платье.

Самира задержалась перед ним, подумала, что когда-нибудь сможет купить себе похожее. Не к чьей-то свадьбе и не по просьбе тёти. Просто потому, что захочется.

Эту мысль она потом долго считала самой дерзкой из тех, которые позволила себе за полтора года самостоятельной жизни.

В конце первого месяца хозяйка оставила её одну до вечера.

Нужно было съездить к переплётчику и забрать большой заказ. Женщина показала, где лежат накладные, предупреди-

ла о старике, который всегда спорит с ценой, и ушла так спокойно, что Самира ещё несколько минут стояла возле кассы, не решаясь открыть верхний ящик.

Первой пришла девочка.

Поставила на прилавок несколько монет. Смотрела не на книги, а на Самиру, словно заранее знала, что ей скажут.

— Мне про море.

Самира вышла из-за стойки. Нашла две тонкие книжки, одну большую с картинками. Девочка сразу потянулась к последней, потом убрала руки.

На неё не хватало.

Самира могла бы добавить из своих. Очень хотелось: сделать так, чтобы хотя бы в этом маленьком месте чьё-то простое желание не потребовало отказа. Она уже открыла кошелёк, когда заметила, как покупательница напряглась.

— Я другую возьму, — сказала та быстро.

Самира остановилась.

В чужом стремлении помочь иногда слишком легко исчезало то, ради чего человек сам принёс свои монеты.

Она достала с нижней полки старое издание. Угол переплёта был потёрт, зато внутри сохранились те же рисунки. Поставили сюда ещё утром, уценили из-за обложки.

— Эта укладывается.

Девочка недоверчиво перевернула книгу. Самира показала отметку, дала проверить страницы. Получила деньги, посчитала сдачу. На прощание услышала тихое «спасибо» и

долго смотрела, как ребёнок идёт по улице, прижимая покупку к груди.

Когда хозяйка вернулась, Самира рассказала о продаже. Потом призналась, что едва не добавила сама.

Женщина поставила свёртки.

— Иногда можно. Но сначала лучше найти то, что человек пришёл выбирать.

Вечером Самира пересчитала собственные расходы. До конца недели оставалось мало, и купить книгу себе не получилось бы. Она взяла с разрешения старый сборник домой, пообещала вернуть в понедельник. Всю дорогу гладила большим пальцем тёплый от ладони корешок.

После смерти Халида ей казалось, что хорошее теперь либо нужно заслужить, либо успеть принять, пока не передумали. За месяц работы появились другие маленькие правила. Можно попросить. Можно ошибиться и исправить. Можно взять книгу на выходные просто потому, что любишь читать.

В воскресенье она впервые не расписала весь день.

Проснулась позже, выпила чай возле окна, дочитала рассказ до конца. Только потом вышла за хлебом. Дворничиха поздоровалась, сосед придержал дверь, а на площади двое детей запускали сделанную из тряпки птицу.

Никто не спросил, почему она не делает чего-нибудь полезного.

Самира остановилась посмотреть.

* * *

На практическом занятии ей стало плохо от запаха крови.

Не впервые. Она знала, куда смотреть, как стоять, чтобы раньше других добраться до двери. В тот день преподаватель заметил и спокойно предложил выйти. Без насмешки. От этого почему-то было стыднее, чем от возможного окрика.

В коридоре Самира прислонилась к холодной стене. Пыталась дышать так, чтобы не слышали за дверью. Рядом сидел пожилой мужчина с завёрнутой рукой. Посмотрел на неё, подвинулся, освобождая край скамьи.

Она села.

— Первый раз? — спросил он.

Самира покачала головой.

Мужчина не стал уточнять. Рассказал, как вчера чинил ставню и теперь стыдится больше, чем болит: жена предупреждала позвать помощника. Ему нужно было просто выговориться, пока ждал своей очереди.

Самира слушала.

Позднее, вернувшись в магазин, долго раскладывала поступившие книги. Хозяйка спросила о занятии. Она ответила правду, сама удивившись, что сумела.

— Зачем выбрала это? — спросила женщина.

Вопрос показался простым. Ответа не нашлось.

Потому что полезно. Потому что Надира сказала. Потому что, если бросить, окажется, зря уехала из дома, от Имрана, от всего, что ещё удерживало рядом с памятью об отце.

— Я не знаю, — призналась Самира.

Хозяйка не стала убеждать её немедленно всё менять.

— Тогда хотя бы подумай.

Та ночь прошла без тетради на коленях. Самира лежала, глядя в потолок, и впервые допускала мысль, что уже выбранную дорогу можно однажды пересмотреть. До решения было далеко. Но вопрос остался её собственным.

Имран звонил каждый день.

Потом реже — не потому, что перестал скучать, а потому, что она всё чаще отвечала: «Я сейчас не могу, потом расскажешь». Разговаривать о доме было больно. Не разговаривать с братом — тоже.

Летом он приехал на две недели. Привёз яблоки, хотя до сезона оставалось ещё много времени: нашёл где-то в продаже прошлогодние, сморщенные, и торжественно объявил, что они из их сада. Самира не стала разоблачать его.

— Поехали со мной, — попросил он в последний день.

— У меня работа.

— Попроси выходные.

— И зачёт.

Имран поставил сумку на пол.

— Ты просто не хочешь домой.

Она не нашла ответа.

Они расстались обиженными. Самира потом долго стояла у окна, сжимая оставленное братом яблоко.

Надира почти не брала трубку. Сабина не звонила вовсе.

О предстоящей свадьбе Самира узнала от Имрана. Полтора года прошло со смерти Халида. Саид закончил обучение, Сабина тоже собиралась менять свою жизнь; казалось, только она застряла посреди дороги, по которой остальные давно ушли вперёд.

До праздника оставался месяц, когда Самира всё-таки набралась смелости.

— Можно я приеду?

Надира ответила после паузы:

— У тебя учёба. Зачем срываться? Здесь и без тебя суета.

Она согласилась.

А за два дня до свадьбы получила сердитое:

— Тебе не стыдно? Сестра выходит замуж, а тебя нужно уговаривать!

Самира собрала сумку за полчаса.

* * *

Лиарен встретил её светом в окнах и запахом горячего камня. На площади торговали цветами, у дороги красили ограду нового дома. Разрушенный Арвейн был далеко.

Сабина обняла её на пороге.

Надира велела накормить с дороги.

От этой непривычной заботы Самира почти растерялась. Ей хотелось верить, что взрослые обиды устают так же, как люди, и со временем просто перестают возвращаться.

Имран вечером утащил её в сад.

— Саид уезжает в столицу, — сообщил он.

— После свадьбы?

— Да. Мансур собирает Стражей.

Имя наследника Самира знала с детства. После переворота о королевском доме говорили редко и осторожно; теперь оно снова появлялось в разговорах — рядом с дорогами, которые обещали открыть, с кварталами, куда должны вернуться люди.

— Саид согласился?

— Они давно знакомы. И у него есть свет. Мансур не мог не предложить.

Самира подумала о том, как легко Саид всегда вставал между человеком и бедой. Наверное, ничего другого от него и нельзя было ожидать.

— А Сабина?

Имран пожал плечами.

На следующий день Самира увидела сестру у окна с письмом в руке. Та свернула лист так поспешно, что край треснул по сгибу.

— Личные дела, — сказала она, хотя Самира ни о чём не спрашивала.

Позднее младшая услышала в коридоре:

— Ты обещал, что мы будем жить здесь.

Саид ответил тихо. Разобрать слова не удалось.

— Там половина города разваливается! — повысила голос Сабина. — Это теперь и моя жизнь тоже. Почему ты решил всё за нас?

Самира поспешила уйти. Чужую боль легко было принять за знакомую, но эта ссора ей не принадлежала.

Утром в день свадьбы сестры в комнате не оказалось.

Надира сидела на краю её постели, прижимая ко рту платок.

— Что случилось?

Вместо ответа тётя протянула письмо.

Самира прочитала его дважды.

«Я ухожу. Прости, мама. Я не собираюсь проводить жизнь в разрушенном городе и ждать, когда Саид вернётся с очередной опасной вылазки. Если бы он любил меня, то выбрал бы меня, а не службу. Это моя жизнь».

Буквы начали расплываться.

— Может быть, она ещё вернётся…

— Не вернётся. Я знаю свою дочь.

Внизу двигали стулья. Кто-то смеялся, не подозревая, что наверху праздник уже кончился.

Надира взяла племянницу за запястья.

— Ты заменишь её.

* * *

Самира отказалась сразу.

Потом ещё раз. Потом перестала понимать, сколько раз произнесла это слово и почему взрослый человек перед ней продолжает говорить, не услышав его ни разу.

Надира плакала. Объясняла, что Халид не пережил бы позора. Спрашивала, неужели после всего сделанного для неё

девочка позволит семье оказаться посмешищем.

— Папа бы не просил меня об этом.

— Не смей говорить за него.

Самым страшным было даже не требование. На мгновение Надира подняла на неё сухие глаза, и Самира поняла, что слёзы кончились раньше уговоров.

Потом тётя вдруг смягчилась.

— Я поговорю с Саидом. Всё объясню. Никто не заставит вас, если он не согласится. Только помоги сейчас. Не оставляй меня одну.

В тот день Самира ещё верила, что чужая нужда может быть важнее собственного страха.

Перед отъездом Самира нашла Имрана на лестнице.

Он уже был одет к празднику, сердился на тесный воротник и пытался завязать ленту, которую ему велели не снимать до вечера. Увидев сестру, удивлённо выпрямился.

— А ты почему…

Она не успела ответить. Надира позвала из комнаты, слишком громко, с той торопливой мягкостью, которая не оставляла места для разговора.

— Потом, Имран.

Самира взяла брата за руку.

Всего на мгновение. Ей хотелось сказать: пожалуйста, побудь рядом. Но он смотрел на чужое светлое платье, и она понимала, что для объяснения потребуется назвать происходящее вслух. Пока называли другие, всё ещё можно было

думать, что найдётся взрослый человек и остановит.

— Я тебя найду, — сказала она.

Имран кивнул, не поняв.

В машине Надира поправляла складку возле её колена. Говорила о гостях, о том, сколько людей уже приехало, о Халиде, который не допустил бы позора. Самира смотрела в окно. У знакомой лавки кто-то покупал цветы. На скамье сидела женщина с корзиной — совершенно обычное утро, в котором для неё уже не осталось обычного выбора.

— Вы поговорили с ним? — спросила она ещё раз.

Тётя не подняла головы.

— Всё будет хорошо.

— Я спросила…

— Ты мне не доверяешь?

После этого Самира замолчала.

* * *

За час до приезда Самиры Саид уже стоял у окна приёмной и смотрел на улицу, почти не различая прохожих.

Утром, когда до свадьбы оставалось всего несколько часов, Надира пришла к нему с новостью, которую произнесла не сразу. Сначала попросила сесть. Потом сказала, что Сабина не выйдет за него замуж.

Саид сперва не понял.

Накануне они поссорились из-за Арвейна. Сабина опять спрашивала, почему он не может остаться в Лиарене хотя бы на год, пока всё устроится, и он опять отвечал, что дал сло-

во Мансуру. Они оба говорили резко. Но разве ссора была причиной исчезнуть в день свадьбы?

— Где она? — спросил он.

Надира заплакала. Саид запомнил не слёзы, а то, как быстро женщина отвела взгляд от стоявшего у двери Сулеймана.

— Не ищи её сейчас. Она не вынесла того, что происходит между девочками.

— Между какими девочками?

— Ты никогда не замечал, как Самира на тебя смотрит?

Он вспомнил девочку из двора Халида: испачканные пальцы, книги под мышкой, привычку оставаться последней, когда взрослые просили помощи. Вспомнил, как она отводила глаза, если он неожиданно обращался к ней. Ему и в голову не приходило связывать это со свадьбой.

— При чём здесь Самира?

— Она любит тебя, Саид. Давно. Сабина узнала, насколько всё серьёзно. Сестра сказала ей, что после вашей свадьбы не сможет больше видеть ни её, ни тебя. Что у неё не останется семьи. Сабина пыталась поговорить с ней, но в конце концов решила уступить.

Саид посмотрел на Надиру. Он не слышал этих слов от Самиры. Не видел их ссоры. Перед ним стояла только женщина, которую он знал много лет, и говорила так, будто сообщала о беде, которую пыталась предотвратить.

— Самира этого потребовала?

— Она не сказала прямо: «Отдай мне жениха». Ты же зна-

ешь её. Она молчит, а потом оказывается, что все вокруг должны отвечать за её несчастье. Теперь она готова занять место Сабины. И уверяет, что согласна.

Это было самое тяжёлое: не мысль о том, что Самира его любит, а внезапное подозрение, будто знакомая с детства девушка воспользовалась этой любовью, чтобы заставить сестру отказаться от собственного счастья. Он вспоминал, как когда-то защищал Самиру от насмешек, как Халид просил присматривать за младшими. Неужели она решила, что за всё это он теперь ей обязан?

— Я не давал такого согласия, — сказал Саид.

— Никто не заставляет тебя любить её, — поспешно ответила Надира. — Но гости уже собрались. Регистрация назначена. Ты можешь отказаться. Только подумай, что будет с Самирой, если её оставят перед всеми. Она ведь и так…

Женщина не закончила. Ей и не понадобилось.

Сулейман, до этого молчавший, подошёл к столу.

— Сын, мы не будем решать за тебя. Но если ты сейчас уйдёшь, скандал останется на обеих семьях. И на памяти Халида. Дай себе время. Оформить брак — не значит обещать, что дальше всё будет так, как тебе велят.

Саид резко повернулся к отцу.

— А разве не это мне сейчас предлагают?

Сулейман устало провёл рукой по седым волосам.

— Я предлагаю не делать ещё больнее там, где уже всё испорчено.

Он говорил о чести и о людях, которые приехали поздравить молодожёнов. Саид же слышал другое: если откажется, виноватым окажется он. От него ждали, что он сумеет поступить правильно, даже когда кто-то другой поступил неправильно первым.

Он собирался уехать в Арвейн и принять службу, не потому что это было удобно, а потому что дал слово. Теперь ему казалось, что именно этой привычкой отвечать за других и воспользовались. Поставили перед дверью, за которой уже ждут люди, и оставили единственный путь, на котором никто не будет унижен публично.

— Где Сабина? — повторил он.

Надира опять опустила глаза.

— Не знаю, согласится ли она тебя видеть. Она слишком обижена.

Саид не спросил, на кого именно.

Потом он много раз возвращался к этому утру. В памяти оставалось несколько несказанных вопросов, каждый из которых мог остановить происходящее. Почему Самира не рассказала ему ничего сама? Откуда Надира знает, чего требовала одна сестра от другой? Почему Сабина, если хотела уступить, не поговорила с ним?

Но в то утро все вопросы он подменил одним: как закончить этот день, не устроив нового позора.

Когда в приёмной появилась Самира, он увидел, как она собирается подойти к нему, но Надира остановила её за ло-

коть. Саид решил, что они уже всё обсудили между собой. Ему не пришло в голову, что Самиру удерживают именно от разговора.

* * *

В приёмной пахло чернилами и нагретой бумагой. Люди поднимали головы, узнавая её, потом смотрели на Надиру. Кто-то сразу отвернулся, словно воспитание запрещало замечать непонятное раньше объяснения.

Саид стоял возле окна.

Она сделала шаг к нему. Тётя придержала за локоть, попросила подождать, пока уточнят данные. Самира посмотрела на ладонь поверх своего рукава. Не сильная хватка. Достаточная, потому что подчиняться ей научилась гораздо раньше, чем спорить.

Саид обернулся сам.

На секунду взгляд остановился на её лице. Она решила: вот сейчас. Ему тоже нужно спросить, как они сюда попали. Сказать, что всё это нелепо, что нельзя просто продолжить свадьбу с другим человеком.

Но он смотрел так холодно, что приготовленные слова исчезли.

Самира не знала тогда, что он уже выслушал чужой рассказ. Не знала, сколько обиды взрослый человек способен принять за доказательство, если рассказ помогает не сомневаться в себе.

И сама поверила, что молчание означает знание.

Она решила: Надира выполнила обещание. Он знает о письме, о побеге, о том, как тётя умоляла её.

— Да, — ответила Самира.

Саид ничего больше не спросил.

Перед тем как войти, она ещё раз попросила Надиру остаться рядом.

— Я не смогу объяснить всё одна.

Тётя прижала ладонь к её щеке. В то утро это прикосновение казалось заботой.

— Я же сказала: всё улажу.

Саид стоял в нескольких шагах. Слышал последнюю фразу или нет — Самира не знала. Он смотрел в окно, где отражались приехавшие родственники.

Ей хотелось подойти к нему до церемонии, спросить, как они вообще очутились здесь вдвоём. Сказать, что она не желала заменить сестру, даже в самые отчаянные годы своей влюблённости. Но возле двери всё время кто-то находился. Её поправляли, останавливали, просили подождать минуту.

У стойки регистратор уточнил, верно ли указаны данные.

Самира увидела собственное имя и вдруг ощутила, насколько необратимым становится происходящее.

— Вы согласны? — спросили её.

За спиной Надира тихо произнесла:

— Помоги нам.

Самира посмотрела на Саида. На лицо, к которому столько раз мысленно обращалась за помощью. Он казался серди-

тым, но она решила, что ему тоже трудно, что злится он на случившееся, а не на неё.

Она ошиблась в том, о чём он думает.

Он ошибся в том, почему она здесь.

У них было ещё несколько секунд, чтобы задать друг другу вопрос. Ни один не задал.

Оба услышали настоящие имена, оба поставили подписи. Никто не спрятал чужую невесту под вуалью от регистратора. Обман заключался в другом — в том, что каждому рассказали свою историю и не оставили времени проверить её.

Тогда Самира не знала, какую историю услышал Саид.

Узнала в доме его родителей.

Сабина вошла, когда с неё снимали свадебную накидку. Гости обернулись на шум у дверей.

— Это она! — воскликнула сестра. — Она заперла меня. Сказала всем, что я сбежала!

Самира посмотрела на неё, не сразу поверив, что слова обращены именно к ней.

— Но письмо…

Надира подошла быстро.

Удар пришёлся по щеке так неожиданно, что Самира отступила и наступила на край собственного платья.

— Что ты натворила?

Кто-то ахнул. Кто-то уже начал говорить, что всегда подозревал.

— Мама, нет!

Имран встал перед сестрой.

Он был почти ещё ребёнком. Голос сорвался, когда он повторил:

— Я не верю. Моя Самира так не могла. Скорее ты действительно сбежала!

— Конечно, ты опять за неё! — закричала Сабина. — А я твоя родная сестра!

Саид стоял рядом с отцом. На руке у него белела полоска от только что снятых перчаток. Самира смотрела на эту полоску и думала: сейчас он спросит. Сейчас повернётся к ней, и тогда она успеет объяснить всё.

Он не спросил.

Сулейман подошёл к сыну и что-то сказал так тихо, что Самира не разобрала. Саид резко повернул к отцу голову. На несколько секунд она увидела в нём того юношу, который мог первым шагнуть к чужому несчастью. Ей показалось: сейчас.

Но отец положил ладонь ему на плечо. Сабина заплакала громче. И Саид снова посмотрел на Самиру уже из-за их общего, чужого ей решения.

Она поняла, что осталась одна посреди собственной свадьбы, не в тот момент, когда Надира ударила. Позже — когда муж отвёл глаза, не задав ни одного вопроса.

Имран взял её лицо в ладони, закрыл собой от гостей.

— Не плачь. Я верю тебе.

От этих слов стало ещё больнее. Пока кто-то один верил,

она не могла совсем перестать держаться.

В зале спорили. Сулейман говорил о случившемся так, словно теперь нужно просто выбрать самый достойный выход. Надира требовала увести опозорившую их девчонку. Сабина плакала рядом с Саидом.

Самира не помнила, в какой момент муж оказался возле неё.

Он взял её за руку.

— Поедем.

Имран попытался остановить его. Саид посмотрел на мальчика так, что тот медленно разжал пальцы.

Дорога превратилась в гул колёс и свет чужих окон. Самира сидела с горящей щекой, прижимая ладонь к колену. Ни одного слова за весь путь.

У особняка в Арвейне её встретили леса, закрывавшие часть фасада, тёмные провалы окон в соседнем крыле и трое незнакомых мужчин, вышедших на шум машины.

Саид отвёл её наверх.

Комната пахла камнем и свежей краской.

Он поставил сумку возле двери, вышел, затем вернулся на один короткий миг.

— Ты добилась своего, — сказал он. — Но я никогда не стану тебе мужем.

Дверь закрылась.

В тот день Самира ещё не умела понимать, как долго может длиться одно обещание.

Глава 10: дни которые никто не обещал

Через три дня после разговора о разводе Самира впервые проснулась не от тревоги, а от запаха хлеба.

Внизу открывали кафе. Ади обещала принимать гостей всего несколько часов: в остальные дни им приходилось разбирать заказы, ездить в Эльнарс и помогать Стражам. Дом и зал уже давно привели в порядок после нападения, но двери всё равно открывали не каждый день. Самира прежде думала, что это странная работа — иметь дело, к которому нельзя вернуться полностью. Теперь понимала: некоторые вещи сохраняют именно потому, что не хотят отдавать их страху.

Накануне они занимались во внутреннем дворе особняка.

Самира вышла с водой, когда Кемаль заставил Зака повторить один и тот же шаг в шестой раз. Тот уже не шутил. Плечи потемнели от пота, на ладони выступила красная полоса, но клинок всё равно уходил слишком далеко в сторону.

— Ты заранее решил, где закончится удар, — сказал наставник. — Он ещё не начался, а ты уже там.

— Было бы удобно, если бы заканчивался, где я решил.

— Противнику тоже.

Зейн стоял напротив. Не пытался обойти брата силой; выбирал момент, пропускал движение, возвращался в стой-

ку. Зак рассердился, выдохнул и на этот раз остался на месте ровно столько, сколько требовалось. Прозрачные лезвия встретились коротким светлым звоном.

Самира почувствовала, как сама перестала дышать.

Кемаль кивнул. Этого оказалось достаточно, чтобы Зак наконец улыбнулся.

Адам занимался рядом с Рашидом. Движения у него были привычнее, чем у братьев, — слишком привычные, как всё время повторял страж. В человеческом мире умение быстро сократить расстояние спасало; здесь могло заставить подставиться под руку того, кто сильнее во много раз.

— Ещё раз медленно, — произнёс Рашид.

Адам сжал зубы. Повторил.

На скамье Амира растирала ладони после упражнений. Бэлла держала маленькую пластину, повторяя упражнение на точность: поворачивала её между пальцами и старалась не уронить. Руки дрожали от усталости, но она всё равно улыбалась каждый раз, когда удавалось продержаться чуть дольше.

Ади подошла к мужу.

Сначала только показать рукоять, которая слишком быстро гасла. Кемаль взял её запястье, выровнял положение ладони. Девушка слушала серьёзно, потом что-то ответила так тихо, что Самира не расслышала. Муж наклонился ближе.

Зак кашлянул.

— Нам можно сделать вид, что занятие закончилось?

Кемаль не сразу повернулся.

Ади первой отступила, смеясь и краснея. Амира торжественно вручила ей воду.

После пережитого в этих людях оставался страх. Самира видела его, когда кто-нибудь слишком долго не отвечал по кристаллу, когда Зейн не находил сестру дома, когда Адам на незнакомый шум поворачивался всем корпусом. Просто страх уже перестал быть единственной вещью, которая связывала их с новым миром.

Теперь нужно было научиться стоять. Дышать. Не рассчитывать на то, что рядом успеют раньше, чем сам поймёшь, куда летит удар.

Амира отпила и протянула стакан Самире.

— Ты не устала нас поить?

Та улыбнулась.

— Нет. Только в следующий раз сами принесёте кувшин.

— Справедливо.

Когда Самира вернулась в дом, у дверей её остановил Саид. Уже собирался уезжать, держал в руках папку. Посмотрел на пустой кувшин, забрал, чтобы открыть ей створку.

— Опять к Алекс?

Она сразу приготовилась объяснять. Он заметил.

— Просто спросил.

За ним стоял Рашид, ожидая, когда поедут проверять складские бумаги. Самира кивнула, ответила, что после обеда. Саид поставил кувшин на столик и ушёл.

Вечером она поймала себя на том, что вспоминает не вопрос, а то, как он придержал дверь, пока она проходила. За пять лет таких движений было много. Слишком мало слов, чтобы понять их правильно.

* * *

На кухонном столе лежала записка Алекс: «Кофе слева. Остальное не трогать, там разобрано по порядку».

Самира осмотрела четыре неровные стопки бумаг, три отвертки и разобранный кристалл. Порядка она не увидела, но кофе действительно нашла слева.

Ади приехала с Кемалем, когда первые посетители уже выбирали столики. Кемаль нёс корзину с выпечкой и пакет салфеток. Ади придерживала ему дверь, хотя он совершенно точно мог открыть её сам. Он остановился на пороге, сказал что-то негромко, и она засмеялась, уткнувшись ему в плечо. За первые дни после свадьбы между ними уже возникала привычка искать друг друга взглядом прежде, чем ответить кому-нибудь ещё.

— Я могу помочь? — спросила Самира.

Ади оглядела её. Не стала спрашивать, почему она снова здесь и ночевала ли дома. Показала на дальний столик.

— Там заказы. Кемаль пытается убедить меня, что цифры сами по себе добрые. Я ему не верю.

— Цифры честные, — возразил Кемаль. — Люди, которые их записывают, иногда ленятся.

Они говорили и работали одновременно. У двери Адам

принимал ящики с продуктами, Бэлла составляла букеты для столов, Амира спорила с Заком о том, кто должен протирать подоконники. Зейн вошёл позже всех, молча взял у Амиры тяжёлую коробку и перенёс её туда, куда сестра даже не успела указать.

Зейн теперь возвращался в человеческий мир чаще остальных братьев. Не объяснял причин. Иногда просто оставался у Алекс до рассвета и вместе с ней перебирал испорченные детали старого оборудования. Саид однажды спросил, зачем тому столько железа. Зейн ответил: «Чтобы оно перестало ломаться в самый неподходящий момент». Больше никто не спрашивал.

До открытия Бэлла никак не могла разобраться с пирогом.

Резала одним ножом, другим, меняла тарелку. Тёплая середина продолжала тянуться за лезвием, и девушка уже начинала подозревать духовку в личной неприязни.

Самира остановилась рядом.

— Ему нужно постоять.

— Я уже десять минут смотрю.

— Можно не смотреть. Всё равно остынет.

Бэлла подняла глаза — и рассмеялась первой.

Самира не стала отбирать нож. Помогла освободить другой противень, пока ждали. На этой кухне всё лежало иначе, чем в особняке. Ей самой дважды пришлось открыть не тот ящик, а когда нашла чашки, оказалось, что чистые нужно ставить на другую полку.

Ади показала, как удобнее.

Без удивления, что хозяйка целого дома может чего-то не знать. Именно это помогло Самире перестать спешить.

У входа спорили Зак с Амирой. Не о работе — о том, что на доске нужно написать «ждём вас снова», хотя половина людей ещё даже не успела войти в первый раз. Адам закреплял табличку. Зейн проверял провод у кассы, присев на корточки и не обращая внимания на чужие ноги рядом.

Кемаль держал ящик, который никто не мог решить куда поставить.

— Можно я уже выберу? — спросил он после третьего указания.

Ади посмотрела на него, словно только сейчас вспомнила, что ящик тяжёлый.

— Прости.

Он улыбнулся, поставил у стены и коснулся её плеча. Простой жест не прервал дел, не потребовал, чтобы остальные отвернулись. Самира заметила, насколько непривычно ей видеть близость, которой не нужно отдельно искать место.

Первая посетительница долго стояла у входа.

Пожилая женщина в тёмном пальто оглядела зал, спросила, действительно ли открыты. Амира показала на доску, Зак отодвинул стул у окна.

— Вам как всегда?

Женщина кивнула. Пальцы задержались на краю столика.

— Думала, не вернётесь больше.

Зак перестал улыбаться всего на секунду.

— Мы тоже думали.

Потом повернулся к стойке и попросил чашку побольше.

Самира отнесла чай сама. Женщина поблагодарила, спросила, давно ли она здесь работает. Та уже открыла рот, чтобы привычно объяснить, что только помогает, но остановилась на простом:

— Недавно.

Так оказалось легче.

Потом пришли другие. Мужчина с маленькой дочерью, двое студентов, девушка, которая выбрала самый дальний столик и сразу раскрыла книгу. Никому не требовалось знать, почему хозяева ездят между мирами, откуда у одного из них на руке белый шрам и зачем высокий человек у окна смотрит на улицу чаще, чем в меню.

Ан пересел к передней двери, пока Аэль проверял заднюю. Потом ангел вернулся, сел так, чтобы видеть лестницу. Оба оставались здесь до приезда следующей пары.

Самира начала различать этот порядок.

Вещи, позволявшие окружающим жить спокойно, редко были совсем незаметными. Нужно было просто однажды увидеть, как человек поднимает голову на тот звук, которого другие не услышали.

Возле стойки Ади запнулась, назвав Кемаля мужем вместо имени. Посетитель, которому она объясняла заказ, ничего не понял. Кемаль понял всё и тут же начал улыбаться.

— Не привыкай, — предупредила она негромко.

— Поздно.

Самира отвернулась к чистым чашкам. Было немного больно. И тепло от того, что у кого-то это получилось.

К полудню кафе шумело. В дальнем углу сидела женщина с ребёнком и терпеливо ждала, пока тот выберет пирожное. У окна двое студентов делили одну книгу на двоих. Самира давно не видела человеческий мир в таком освещении: не как опасный проход между дежурствами, а как место, где людям просто хотелось пообедать.

Саид приехал задолго до закрытия, но Самира заметила его не сразу: внизу он сначала разговаривал с Адамом.

Он не был сегодня на смене. Самира знала: утром его отправили сверять данные склада с теми записями, которые нашли после похищения Ади. Когда муж вошёл, она сперва подумала, что произошло что-то плохое. Но он только остановился у двери, нашёл её за столиком и спросил:

— Вы уже обедали?

— Да. А ты?

— Не успел.

Самира поднялась, чтобы сказать Ади, что подогреет для него суп. Саид удивлённо посмотрел ей вслед. Потом сам взял поднос, принёс ей оставшуюся чашку чая и поставил рядом с бумагами.

— Она остыла, — сказал он.

— Знаю.

— Я видел, как ты налила её час назад.

Самира подняла глаза. Он, оказывается, был здесь достаточно долго, чтобы заметить.

Они оба смутились этого открытия.

За соседним столом Ади смотрела на них и ничего не говорила. Кемаль положил ладонь поверх её пальцев. Она чуть повернула руку и переплела их пальцы под столом, будто хотела, чтобы это маленькое движение принадлежало только им.

* * *

Дамир явился, когда начали убирать столики.

Поставил на стойку конверт, поздоровался с Самирой и без приглашения занял стул, который Амира только что вытерла. Та обернулась с полотенцем в руке.

— Я ещё не закончила.

— Тогда мне особенно повезло. Не успело испачкаться.

Амира рассмеялась и ушла к другому столику. Адам взял конверт, проверил первые листы.

— Это всё?

— Всё, что подтвердилось. Остальное проверяют.

У Дамира был усталый голос, совсем не похожий на тот, которым он минуту назад дразнил младшую сестру друга. Самира заметила тёмные круги под глазами. Такие лица знала по возвращавшимся со смен стражам.

Она налила кофе.

— Вам с молоком?

— Нет, спасибо. И можно на ты. А то чувствую, будто сейчас объявят взыскание.

Алекс, спустившаяся с бумагами, остановилась возле стойки.

— Для этого есть причины?

Дамир поднял на неё глаза.

— Я пришёл к брату.

— Это и есть причина?

— Теперь понимаю, почему у вас такую хорошую выпечку делают. Иначе люди не вернутся.

Она отложила бумаги, взяла у Адама лист. Прочитала. На шутку не ответила, но Дамир, кажется, и не рассчитывал получить последнее слово.

Они заговорили о доставках. Разные получатели, одинаковый адрес, накладная, в которой дату исправили уже после оплаты. Самира не слышала всего разговора: Бэлла попросила помочь убрать противни. Вернувшись, застала Дамира возле окна.

Он смотрел на Аэля.

— Тоже занимаетесь восстановлением?

— Иногда, — ответил ангел.

— Какая часть?

Тот подумал.

— Моя специальность редко видна с улицы.

Дамир посмотрел на него внимательнее. Кивнул без прежней улыбки.

Ан подошёл за чашкой. На вопрос, откуда приехал, ответил, что издалека. Самира опустила глаза к полотенцу: правда, которая ничего не объясняла.

Дамир не стал допрашивать гостей за кофе. Адам тоже не принялся придумывать подробности. Только сел рядом и спросил о коллеге, ещё проходившем лечение после нападения на участок.

— Пальцы разрабатывает, — ответил Дамир. — Ругается, что медленно. Это уже хорошо. Когда не ругался, было страшнее.

Адам кивнул.

Самира помнила его в ту первую ночь: столько крови, что невозможно разобрать, где кончается ткань. Тогда ей казалось, в человеческом мире люди после такого должны совсем перестать доверять дверям. Дамир всё равно приходил сюда, приносил бумаги и спрашивал, кто ещё не выздоровел.

— Я завтра к нему заеду, — сказал Адам.

— Заедь. Только не объясняй, как правильно отдыхать. На тебя посмотрит и вызовет начальство проверить твой санаторий.

Зак улыбнулся из-за стойки. Зейн продолжал складывать инструмент, но Самира видела, как на секунду изменился его рот.

Перед уходом Дамир наклонился к замку задней двери. Проверил язычок, позвал Адама: створка закрывалась не до конца. Алекс подошла с отвёрткой, отрегулировала, дала ему

проверить ещё раз.

— Теперь довольна? — спросил он.

— Дверь — да.

— Уже прогресс.

Он ушёл с пакетом, который Бэлла успела собрать в дорогу. На прощание помахал Амире, обещал не пачкать её стул до следующего раза.

Самира смотрела на оставшуюся чашку.

Видела, как стражи узнают в семье Ади своих. Теперь начинала замечать и другое: у самой семьи были люди, которые оставались рядом, не зная всей правды. Иногда для этого хватало уверенности, что другу нужна помощь.

* * *

В особняк Самира вернулась к ужину.

Вместе с Адамом и девушками, которых привезли закончившие городской маршрут Рашид с Кемалем. Зейн остался у сестры ещё на час: обещал помочь закрепить датчик, утром должен был успеть к занятию. Ан с Аэлем продолжали дежурить до приезда следующей пары.

Салим уже накрыл стол. Зухра жаловалась на Али, потерявшего ключ от кладовой в корзине с чистыми полотенцами. Мальчик возмущался, что это всё ещё не доказано, пока Самира не достала ключ именно оттуда.

Она рассмеялась вместе с остальными.

Дверь открылась. Саид вошёл, остановился возле стола. Самира почувствовала, как улыбка собирается исчезнуть по

привычке, и удержала её слишком старательно.

Муж заметил.

Не сказал ничего. Сел на своё место, спросил Кемаля о завтрашней дороге. Самира передала хлеб. Его пальцы коснулись её руки, прежде чем взял корзинку.

Она посмотрела в тарелку.

После ужина разбирали списки. Бэлла просила показать, как удобнее отметить продукты сразу для трёх дней работы кафе. Самира взяла чистый лист, объясняла, вычёркивала, начинала заново. Не успела испугаться, когда Саид подошёл с другой стороны стола.

— Там цена за упаковку, — заметил он. — Не за штуку.

Она посмотрела на строку.

— Да. Верно.

Бэлла исправила, подвинула лист к нему. Самира сидела рядом, слышала, как муж объясняет простой расчёт. Раньше выбрала бы место подальше, чтобы не думать, правильно ли держит руки и не мешает ли ему. Сейчас уходить было бы странно: это ведь её разговор, её работа.

Саид задержался, пока закончили.

Когда девушки ушли, посмотрел на оставшиеся бумаги.

— Ты там не устаёшь?

Она подняла голову.

— По-другому. Мне нравится.

Ответ получился смелее вопроса. Саид медленно кивнул.

Самира ждала, спросит ли ещё что-нибудь. Он открыл

рот, закрыл, наконец указал на чашку.

— Будешь?

Она сама подвинула к нему чайник.

Сидели недолго. Достаточно, чтобы потом, уже в комнате, ей стало страшно, сколько надежды успело вместиться в несколько обыкновенных минут.

На столе лежал недописанный лист Имрану. Самира взяла ручку. Вместо привычного рассказа о том, что все сыты и работают, написала одну новую строчку.

«Я хочу рассказать тебе, как живу. Только пока не знаю, с чего начать».

Потом долго смотрела на неё. Не зачеркнула.

* * *

На следующий день в кафе пришла женщина, которая умела сердиться очень тихо.

Она поставила чашку перед Самирой, придержала пальцами ручку и сказала, что просила без сиропа. На листке заказа было записано другое. Самира посмотрела на него, потом на женщину. Может быть, не так услышала. Или перепутала, когда Бэлла попросила помочь с противнем. Объяснение уже поднималось к губам вместе с желанием извиниться за всё сразу.

— Заменим, — сказала проходившая мимо Ади.

Она взяла чашку, не выясняя посреди зала, кто виноват. Женщина кивнула и вернулась к своему столу. Самира стояла с листком и никак не могла перестать ждать продолжения.

— Часто бывает? — спросила она у стойки.

— Ошибки? Да.

— Я записала.

— Потом посмотрим. Сейчас новый сделаем.

Самира вытерла стойку там, где и без того было сухо. От простой замены кофе дрожали пальцы. Это казалось смешным после пяти лет хозяйства, после раненых в особняке, после поставщиков, которых она умела заставить забрать испорченное. Но там у неё были ключи, свои списки, люди, знавшие, что можно доверить. Здесь она опять оказалась новой помощницей, чьё место ещё не определили.

Ади передала чистую чашку.

— Можешь сказать, что исправили. Достаточно.

Самира отнесла. Женщина попробовала, поблагодарила и больше не посмотрела на неё. Даже запомнить ошибку не собиралась. От этого стало легче не сразу: сначала пришлось поверить, что ничего не последует.

У окна сидел постоянный посетитель. Седой, в аккуратно застёгнутой куртке, с газетой, сложенной по одной и той же линии. Он подозвал Самиру, когда та проходила.

— А мой стол куда делся?

После утренней уборки мебель поставили иначе. Самира помогала, сдвинула ближний стол к стене, чтобы удобнее проходить с подносом. Теперь мужчина смотрел на пустое место, словно она отменила договор, о котором не знала.

— Сейчас верну.

Она потянулась к столу, но он поднял ладонь.

— Одной не надо. Я просто спросил.

Зак вышел из кухни, услышал, объявил себя человеком, умеющим обращаться с мебелью. Ади посмотрела на него так, что он сразу добавил:

— Ровно поставлю.

Мужчина пересел. Газету разложил, чашку повернул к свету. Через несколько минут попросил передать хозяйке, что новое расписание ему неудобно, но кофе опять хороший.

Самира спросила, почему ему нужен именно этот угол. Он посмотрел на пустой стул напротив.

— Свет отсюда. Привыкли мы так.

Больше ничего. Она не стала расспрашивать. Принесла маленькую вазу со стойки, поставила между чашкой и газетой. Мужчина передвинул на пару сантиметров и поблагодарил. Самира отошла, чувствуя непривычное облегчение: можно было сделать полезное, не зная чужой истории до конца.

Зал наполнялся постепенно. Девушка с рюкзаком готовилась к экзамену, прижимала локтем раскрытый учебник. Двое работников делили большой пирог, потому что до получки оставалось несколько дней. Мать с ребёнком просила не ставить горячую чашку близко к краю; через минуту малыш сам передвинул холодную, подражая её серьёзному лицу. За стеклом проезжали машины, доставщик искал номер дома, женщина поправляла у входа шарф. Жизнь человече-

ского города была громче лиаренской и суетливее Арвейна. Самире нравилось, что здесь никто не оглядывается на осыпавшуюся стену и не понижает голос, рассказывая, кто раньше жил за закрытой дверью.

Когда у стойки стало тише, Алекс спустилась за водой. Посмотрела на список заказов, указала на строку.

— Эта уже оплачена.

Самира проверила. Действительно.

— Спасибо.

Алекс ушла. Не спросила, почему она рассеянна, не посоветовала собраться. Рядом с оплаченной строкой осталась маленькая черта. Дальше можно было работать.

Позднее пришла девочка с монетами, зажатыми в кулаке. Хотела купить два печенья, считала долго, сбивалась. Самире хотелось добавить третье просто так, но она вспомнила, как в книжной лавке одна маленькая покупательница гордилась собственным выбором. Подождала. Девочка пересчитала правильно, получила пакет, спросила, можно ли завязать ленту самой.

Самира подала. Та возилась у стойки несколько минут, потом ушла, держа пакет обеими руками. Из окна было видно, как у ограды ждёт мальчик. Девочка вручила подарок с такой важностью, что Самира невольно улыбнулась.

— Всё в порядке? — спросила Бэлла.

— Да.

Она сказала без привычного усилия, потому что в этот мо-

мент действительно было.

После закрытия Ади показала, как считают остатки. Это давалось Самире легче, чем заказы на слух. Она заметила, что сливок хватит только на следующее открытие, спросила про доставку. Бэлла вздохнула: забыли уточнить объём.

— Я позвоню? — предложила Самира.

Ади кивнула. Чуть позже девушка уже говорила с поставщиком так же уверенно, как с людьми особняка. Разные дела требовали разных частей её самой; одна неудачная чашка не делала ненужным всё остальное.

* * *

В Эльнарсе вечером Саид вернулся с объезда складской дороги и сразу услышал смех из столовой.

Амира спорила с Заком, кто быстрее справится с новым упражнением. Зейн сидел у края стола, чинил застёжку. После тренировки пальцы слушались хуже обычного, и Скар, заметив это, велел оставить ремень до утра: отдых тоже часть занятий.

Саид снял куртку. За столом стояли чашки, но привычного чайника возле места Самиры не было. Он посмотрел на кухню, решил, что она занята, и прошёл за водой.

Зухра встретила с тазом чистой посуды. Мужчина придержал дверь.

— Доставку на завтра подтвердили?

— Да. Самира позвонила из кафе. Ещё и наш недозаказ исправила. Хорошо, что успела.

Он кивнул. Поставил стакан под кран, хотя хотел чай.

— Останется там?

— Пока да. Утром вернётся со сменой.

Зухра прошла мимо. Саид не стал задавать следующий вопрос: не знал, каким тот должен быть. Сколько можно? Почему опять? Все ответы сделали бы злость заметной, а объяснить её самому себе не получалось.

Он вернулся в столовую, сел с водой. Зак немедленно втянул в спор, попросил оценить движение. Саид показал, как не открывать локоть, получил от Скара предупреждение не устраивать вторую тренировку за ужином. Сел снова.

Дом не был пуст. Самира не исчезла неизвестно куда. О ней знали, она звонила, исправляла поставки, собиралась вернуться. И всё же в привычном порядке что-то сдвинулось так, что он никак не находил удобного места.

* * *

На четвёртый день Самира согласилась выйти с Рауфом за продуктами. Алекс дала ей список и предупредила, что один из пунктов написан почерком Аэля, а потому совершенно необязательно угадывать, какое слово он имел в виду.

Вечером Саид приехал опять. Не с поручением и не потому, что до его дежурства оставалось полчаса. Он привёз крышку от старой шкатулки, которую Самира однажды попросила починить, а потом забыла.

— Помнишь? — спросил он.

Она помнила. Шкатулка стояла в её комнате пять лет и

всё это время открывалась с трудом.

— Почему сейчас?

Саид посмотрел на инструмент в собственной руке.

— Зухра оставила у себя. Сказала, ты уже собиралась выбросить. Подумал, что могу починить.

Ответ был слишком простым, чтобы подозревать за ним обещание. Самира взяла шкатулку, попробовала петлю. Крышка открылась бесшумно.

— Спасибо.

Он кивнул. Задержался, будто ждал приглашения остаться, но не попросил. Ушёл только после того, как Самира сама поставила перед ним чашку.

В тот вечер они впервые выпили чай вдвоём, не разговаривая о Сабине.

Глава 11: дом в котором собираются

Рашид разложил на столе два плана. На одном Самира узнала комнаты лесного поста, на другом — лестницу над кафе и квартиру Алекс.

— Нужно обсудить перенос основного поста, — сказал он. — Связь, документы, оборудование. Если собрать всё здесь, дежурные будут внизу. Наверху понадобится комната…

— Нет.

Алекс ответила, не поднимая головы от счёта.

Самира сидела возле окна. Рядом с бумагами лежали два ключа и раскрытая коробка с деталями. До этой минуты она не знала, что Стражи ищут новое место для поста: думала, Рашид приехал проверить связь. Аэль всё ещё занимался соединением на лестнице. Ан остановился у дверного косяка и после ответа Алекс прислонился к нему плечом.

Рашид выдержал паузу.

— Выслушай сначала.

— Ты предлагаешь разместить пост в моей квартире.

— Я предлагаю собрать всё в одном месте. Сейчас одна пара остаётся в лесном доме, другая дежурит здесь. Четверо в человеческом мире постоянно — слишком много. Два поста нельзя оставить одной паре.

Алекс отложила счёт.

— Мне не нужна круглосуточная охрана, Рашид. У вас достаточно работы в Эльнарсе.

— Здесь бывает твоя семья.

— Поэтому защита кафе нужна. Проверка входа, связь, возможность быстро открыть проход. Но дежурить возле моей двери сутками незачем.

— Пока посты находятся в разных местах, людей меньше не станет.

Она посмотрела на планы.

— Значит, вам нужно помещение, в котором поместятся оба поста. Здесь живут.

Ан перевёл взгляд на узкий коридор.

— И складывать оборудование негде.

— Удивительно, правда? — сказала Алекс.

Рашид забрал план квартиры, оставив на столе второй лист.

— Соседний зал пустует. Тот, где раньше проводили выставки. Можно узнать, продают ли его.

— Сначала поговорите с Ади.

— Я собирался поговорить со всеми вами.

Алекс придвинула к себе счёт.

— Тогда вечером. Раньше Бэлла не вернётся.

Аэль спустился на последнюю ступеньку, сообщил, что соединение снова работает. Разговор закончился. Дежурства остались прежними.

К вечеру в кафе сдвинули два стола. Ади села рядом с Бэллой; Адам устроился напротив Рашида, Зейн остался у окна. Зак принёс стул для Амиры и успел занять его сам, прежде чем сестра вернулась с кухни. Пришлось уступить.

Самира убрала со стола пустой поднос. Хотела уйти, но Ади попросила остаться: она уже знала, как мало места в старой кухне и насколько тесно бывало за стойкой.

Мансур пришёл с Кемалем. Сел на свободное место, спросил Рашида, что удалось выяснить.

Хозяин соседнего помещения действительно собирался его продать. Пока никто ничего не покупал. На стол легла только копия плана с указанными размерами и входами.

— Зал больше нашего, — заметила Бэлла, придвинув лист.

— Намного, — ответил Рашид. — Если вас устроит обмен, кафе можно перенести туда. Мы приобретём и подготовим помещение, вы получите его вместо прежнего. Здесь устроим штаб. Вход со двора удобнее для дежурных, рядом лестница, не придётся возить оборудование через полгорода.

Ади посмотрела на сестёр и братьев.

— Сначала нужно увидеть, что там внутри.

— Завтра откроют, — сказал Кемаль.

Бэлла спросила, где будет кухня. Адам — сколько времени кафе не сможет работать. Зак поинтересовался, не достанется ли вместе с новым залом сосед, который жалуется на каждый передвинутый стул.

На это ответа не нашлось.

На следующий день они осмотрели помещение. Хозяин сам открыл дверь, отпер задние комнаты и предупредил о ступеньке возле бокового выхода. Самира держала сумку Ади, пока та вместе с Бэллой измеряла проход между колоннами.

Свет падал с двух сторон. Позади зала хватало места для кухни и кладовой; ящики с продуктами можно было принимать со двора. Самира остановилась у стены, представила длинный стол, мойку, две свободно проходящие мимо друг друга женщины. В прежней кухне приходилось ждать, пока другая отойдёт от плиты.

Ади вернулась к общему плану только после осмотра.

— Мы согласны, — сказала она, и Бэлла кивнула. — Если сначала здесь закончат работу. Закрывать кафе на весь ремонт мы не сможем.

— Сначала подготовим этот зал, потом поможем перенести всё за несколько дней, — ответил Рашид. — После обмена займёмся штабом.

Адам уточнил, сохранятся ли выход во двор и проход к лестнице. Кемаль показал их на плане. Амира спросила про служебную дверь в общей стене: с нею не придётся обходить здание с подносом. Договорились открыть её при ремонте и поставить замок.

— Квартира остаётся жилой, — произнёс Мансур, посмотрев на Алекс.

— Я это ещё вчера сообщила.

— Помню.

Она взглянула на сестру, затем на лист перед Рашидом.

— Тогда меня устраивает.

Зейн кивнул. Зак ещё раз осмотрел потолок и спросил, кто будет снимать старые светильники. Амира немедленно предложила его кандидатуру.

Покупку и обмен оформили несколько дней спустя. Только после этого у соседней двери появился мастер с инструментами. Дис получил ключи, Рир привёз защитные кристаллы; Рашид распределил работы и сам занялся устройством будущего штаба. Семья готовила новое кафе к переезду.

В прежнем зале пока принимали гостей. Здесь ещё оставались столики, фотографии на стенах, книга отзывов у кассы. Под шум за стеной Бэлла месила тесто и время от времени спрашивала, не пора ли уже переносить печь. Ади всякий раз отвечала: рано, сначала закончат кухню.

На постах ничего не меняли. Связь и важные документы оставались в лесном доме, у кафе дежурила прежняя пара. Рашид собирался объединить смены, когда новое место будет готово и проверено.

В квартире наверху сперва появился один закрытый ящик.

— Внизу некуда поставить, — объяснил Ан. — Здесь сухо. Ненадолго.

Алекс указала на угол общей комнаты.

— Проход оставьте свободным.

На следующий день возле ящика стоял второй. Дис принёс запакованные осколки, Рир — несколько снятых с оружия держателей. Всё, чем нельзя было пользоваться, лежало отдельно, с ярлыками. Исправное оружие убрали в закрытый шкаф; Алекс освободила для него полку, где прежде держала старые приёмники.

Самира однажды помогла ей переставить коробки. Алекс подняла самый тяжёлый ящик с нижнего края, Самира придержала крышку. За стеной загудела дрель. Снизу ответил голос Зака, которого наконец допустили к светильникам.

— Это всё потом унесут? — спросила Самира.

— Ящики — да, — ответила Алекс.

Самира тогда решила, что остальные вещи тоже пробудут здесь недолго.

* * *

Старый кинжал Рир принёс в пятницу.

Лезвие было завёрнуто в плотную ткань. Рукоять лежала отдельно; между двумя разошедшимися половинами корпуса виднелся потемневший держатель. На ярлыке стояло короткое «неисправно».

Рир положил свёрток на край стола, чтобы переписать номер в опись. Снизу его позвал Дис. Джинн ушёл, оставив рядом с оружием раскрытую коробку мелких деталей.

Алекс заканчивала свои счета. Самира проверяла суммы

по второму листу и заметила, как девушка сдвинула свёрток подальше от края. Движение было привычным: убрать то, что может упасть. Потом Алекс задержала пальцы на открытой рукояти.

Перевернула её. Подвинула лампу.

— Это уже посчитано? — спросила Самира.

Алекс указала на нижнюю строку её листа.

— Ещё доставка.

Она взяла тонкую отвёртку из собственного ящика.

Когда Самира закончила, у лампы лежали две половины корпуса, тёмная скоба и несколько крошечных креплений. Алекс разложила их на старом полотенце. Прозрачное лезвие оставалось в ткани; девушка открыла только его основание, посмотрела на место соединения и снова закрыла кромку.

— Можно убрать бумаги? — спросила Самира.

— На подоконник.

Счета освободили место. Алекс прижала скобу плоскогубцами, поправила один из внутренних язычков и собрала держатель. Несколько раз повернула его под светом, разобрала снова. На этот раз вынула маленькую пластину, которую Самира сперва приняла за случайный обломок.

Из кухни донёсся свист чайника. Самира вернулась с чашками и увидела уже собранную рукоять.

Алекс придерживала её через полотенце. На прозрачной части у самого основания проступил слабый перелив. Он вы-

тянулся вдоль кромки и остался ровным, без прежних тёмных разрывов.

Дис остановился в дверях.

Сначала посмотрел на стол. Потом на кинжал.

— Рир!

Джинн отозвался со лестницы, поднялся через несколько секунд. Всё ещё держал карандаш, которым делал отметки на стене.

— Что?

Дис указал на оружие.

Рир приблизился, положил карандаш, осторожно взял рукоять. Не стал вынимать лезвие из ткани. Проверил защёлку, повернул держатель, задержал взгляд на светлой кромке.

— Ты его собрала?

Алекс убрала плоскогубцы.

— Да.

— Как?

Она равнодушно пожала плечами.

— Взяла и соединила.

Дис посмотрел на пустое полотенце.

— Мы соединяли.

Алекс подвинула к нему снятую пластину. Ангел взял её двумя пальцами, поднёс к лампе. Рир ещё раз проверил рукоять, теперь медленнее.

— Эта стояла внутри? — спросил Дис.

Она кивнула.

— Я считал её частью крепления.

Алекс уже складывала бумаги обратно. Дис остался с пластиной в руке. Рир развернул ярлык, зачеркнул прежнюю запись, но новой сразу не сделал.

— До проверки в дело не пойдёт, — сказал он наконец.

Дис кивнул. Кинжал снова завернули, на свёртке появилась отдельная отметка. Когда Стражи ушли, Самира обнаружила, что чай в обеих чашках остыл.

Алекс открыла следующий счёт.

На другой день Дис принёс ещё одну рукоять. Самую обычную на вид, пока не положил рядом прозрачный осколок с тремя переливами.

— Посмотришь?

Алекс освободила край стола.

Рир поднялся позже с коробкой старых креплений. На этот раз свёртки оставались закрытыми, пока Самира не унесла чистую посуду. Дис постелил толстую ткань, отодвинул лампу от штор. Алекс сходила за своим инструментом.

Первую рукоять разобрали быстро. Собрать так, чтобы осколок не смещался, не получилось. Дис установил держатель, Рир придержал корпус, Алекс попыталась вернуть защёлку — та каждый раз уводила крепление в сторону.

— С первым же вышло, — заметил джинн.

Алекс положила детали отдельно.

— Здесь другое соединение.

— Вижу.

— Тогда зачем сравниваешь?

Рир усмехнулся. Дис провёл по бумаге две линии и попросил дать ему линейку.

Через некоторое время Алекс позвала Зейна.

Он появился с закатанным до локтя рукавом: помогал Бэлле передвинуть стол в новой кухне. Посмотрел на разобранную рукоять, потом на плоскогубцы возле руки сестры.

— Измеритель нужен?

— И маленькие тиски. В нижнем ящике.

Зейн принёс сразу оба. Алекс взяла тиски, он без просьбы подложил под них деревянную дощечку, чтобы не повредить стол. Самира хотела подать освободившийся стул, но Зейн уже придвинул к лампе другой, привычно устроившись с той стороны, откуда удобнее было придерживать детали.

— Вы это раньше делали? — спросила она.

— Чинили? — Зейн посмотрел на сестру. — Постоянно. У нас дома долго ничего не выбрасывали.

— Потому что ты сначала разбирал, — сказала Алекс.

— Ты тоже.

Она протянула ему держатель. Зейн взял его, сохранив тот же наклон, под которым девушка смотрела на соединение, и сразу повернул к лампе другой стороной.

Они почти не объясняли друг другу, что нужно. Алекс разжала пальцы — брат подал тонкие щипцы. Зейн потянулся к отвёртке — она уже лежала возле его руки. Так работали люди, которые давно привыкли вместе сидеть над сломанной

вещью и могли узнать чужую мысль по движению запястья.

На осколок Зейн сперва смотрел осторожно. Спросил у Диса, где его можно придерживать. Ангел показал безопасный край и дождался, пока парень повторит сам.

— Здесь люфт, — произнёс Зейн, едва качнув соединение. — Если закрыть корпус, его не увидишь. А крепление уже будет тянуть в сторону.

Рир перестал крутить в пальцах карандаш.

— Покажи ещё раз.

К вечеру на столе лежало больше разобранного, чем собранного. Один держатель пришлось отложить: трещина проходила через самый тонкий участок, поправить его без новой детали не получалось. Зейн подписал пакет, чтобы снова не взяться за него по ошибке. Дис начал записывать размеры. Алекс забрала лист, дописала два значения и вернула.

Когда Самира спустилась за чайником, внизу всё ещё стучали. Рабочие снимали старую раму у соседней кухни. Отверстие в общей стене пока закрывали фанерой; кафе работало до привычного часа, и Бэлла не позволяла носить пыльные доски через зал.

Наверху Рир уже спорил с Зейном о том, насколько крепко нужно затягивать винт. Дис попросил обоих замолчать, ещё раз проверил размер втулки и потянулся к новому листу.

Алекс подложила под короткую ножку стула Рира сложенный картон и вернулась к столу.

В следующие дни Самира всё чаще находила их здесь. Ремонт ещё шёл, снизу пахло краской; наверху у окна стояли маленькие тиски, в закрытом шкафу прибавлялись свёртки. Дис приходил с очередным креплением. Рир приносил осколок, с которым тот прежде работал. Алекс звала Зейна, когда нужно было разобрать, измерить или собрать заново. Иногда брат оставался и после того, как Стражам приходилось уехать.

Сначала все ещё помнили, какой ящик следует унести вниз первым. Потом Рир поставил возле стола собственную кружку.

— Она хотя бы не для винтов? — спросил Зейн.

— Посмотрим, что раньше понадобится.

Алекс молча передвинула кружку подальше от открытых деталей.

Мансур заглянул к вечеру. Привёз бумаги по северным дорогам, остановился у порога общей комнаты. Дис с Риром уже ушли, Зейн собирал инструмент. Король подождал, пока он уберёт со свободного стула коробку, и сел.

Алекс просмотрела бумаги, указала на две строки, затем ушла на кухню. Вернувшись, поставила перед ним чёрный кофе без сахара. Мансур освободил место для чашки, подвинув к себе лист с чужими измерениями.

Самира видела их из коридора. Зейн снял тиски со стола и унёс в шкаф. Алекс снова взяла карандаш. Король задержал взгляд на трёх одинаково подписанных пакетах, спросил, ка-

кой из них можно переставить. Девушка указала на ближайший, и он устроил его возле собственной папки.

Для подноса места так и не осталось. Самира поставила его на кухне.

* * *

Перерыв в работе кафе назначили на три дня, когда в соседнем зале уже можно было включить воду и свет. На табличке Ади написала: «Переезжаем за стену». Зак дописал снизу: «Далеко не уходите».

Они переносили старые, давно знакомые вещи. Фотографии со стены. Книгу отзывов с жирным пятном на обложке. Чашку, из которой один постоянный посетитель соглашался пить только по вторникам. Бэлла снимала полки, Амира заворачивала стекло в бумагу. Зейн с Риром проверял проводку. Алекс стояла рядом с открытым щитом и время от времени подавала инструмент. В прежнем зале убрали последний столик. Только тогда рабочие смогли снять старую стойку, а Рашид — начать переоборудование самого штаба. Для документов он отвёл дальнюю стену. Дверь на улицу собирались держать запертой. Для посетителей оставался новый вход, дежурные могли заходить ещё и со двора.

Самира взяла коробку с блюдцами. Саид появился у двери раньше, чем она успела поднять её.

— Я донесу.

— Эта лёгкая.

Он посмотрел внутрь и всё равно протянул руки.

— Саид, здесь шесть блюдец.

— И ты собираешься защищать их до последнего?

Самира неожиданно улыбнулась.

— Да.

Он отступил, придержал дверь. Когда она проходила мимо, коробка чуть качнулась, и Саид поймал край. Одно блюдце звякнуло о другое. Оба на секунду замерли, прислушиваясь, не треснуло ли.

— Пять с половиной, — сказал он.

Самира приподняла бумагу.

— Шесть. Можешь не беспокоиться.

Она пошла дальше, успев заметить, что он улыбается. Легко, без той горечи, которая обычно появлялась между ними даже в коротком разговоре.

Основной зал штаба подготовили за те же три дня. В боковой комнате ещё меняли проводку и собирали верстаки; мастерской пока нельзя было пользоваться. Дис с Риром поднимались к Алекс по очереди, оставляя второго у связи; вместе задерживались наверху, когда Ан с Аэлем уже принимали смену. Со стола в общей комнате не убирали маленькие тиски.

Когда защиту и связь в основном зале проверили, Саид с Рауфом привезли последние ящики из лесного поста. Дом не бросили: там остались запертые комнаты, защищённый вход и запас на случай, если основным местом нельзя будет пользоваться. Ценные документы и рабочие устройства забрали;

Рашид проверял каждую опись перед разгрузкой. Здесь для них приготовили шкафы внизу, за закрытой дверью поста. Теперь оба прежних дежурства объединяли в одно: в человеческом мире постоянно оставалась одна пара. Остальные приезжали на смену, для работы или с поручениями, а в свободное время могли возвращаться в Арвейн и выходить в городские патрули. Двое дежурных следили за общим входом и связью; сопровождать Алекс по квартире им не требовалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.